

1908 г.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

№ 9.

II годъ изданія.

ВѢСНѢ

И

ЖИЗНЬ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

СЦЕНА И ЖИЗНЬ

Еженедѣльный, театральный и литературно-художественный иллюстрированный журналъ.

II годъ изданія.

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 2-ГО МАРТА.

1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ:

„Розы“—стихотвореніе **Павла Вейнберга**; „Таеть“ эскизъ **М. С. Кларина**; „Отреченіе“—стихотвореніе **В. Жукова**; „Жена“—разсказъ **Павла Вейнберга**; „Первый шагъ“—разсказъ **В. Ходоровскаго**; „О женщинѣ“—**Матвѣя Безымяннаго**; „Постъ“—(къ сезону) **А. П.**; Театръ; „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ **С. Гена**; „Искусство актера“—**Сергѣя Ратова**; Театральная хроника;

„Къ упраздненію театровъ Попечительствъ“—**Вл. Линскаго**; „Актерская биржа“; „Давыдкинскіе питомцы“—**Владимира Блохина**; По Россіи; Малая Сцена; Кафешантанные Силуэты—**Евгенія Койранскаго**; Письма въ редакцію; Объявленія.

ТАЕТЪ...

(Эскизъ).

Случайно онъ найденъ былъ въ
чащѣ лѣсной
Недвижный, холодный, печальный...
Его хоронили душистой весной
И колоколь пѣлъ погребальный.
За гробомъ ты шла въ безысход-
ной тоскѣ,
Стараясь удерживать слезы,
И молча сжимая въ холодной рукѣ
Пунцовыя, яркія розы!..
И мнѣ показалось, что эти цвѣты
Насквозь всѣ пропитаны ядомъ,
Что смерти нежданной — винов-
ница—ты,
Ты—грѣшница съ ласковымъ взгля-
домъ...
Взглянулъ я на небо: смѣялось оно,
Даря лучезарныя грезы!..
Я понялъ, что счастье намъ здѣсь
не дано,
Даны лишь пунцовыя розы.

Павель Вейнбергъ.

Таеть...
Въ окна квартиры бьетъ рѣжущій свѣтъ
весенняго солнца и причудливыми узорами
ложится на темныя обои комнаты...
— Тепло!.. Свѣтъ!.. А-ахъ! бредитъ на
кровати больной.

Около него, съ задумчивыми и груст-
ными глазами, сидитъ утомленная дѣвушка.
Издѣвка она вздрагиваетъ, когда больной
силится сдѣлать движеніе и, съ кроткимъ
молящимъ взоромъ, дѣвушка робко спра-
шиваетъ его:

— Милый! Не пора ли принимать ле-
карство?

— Не надо! Не надо!—капризно, какъ
малый ребенокъ, отвѣчаетъ больной, и
лицо его дѣлается злымъ и сердитымъ.

Нельзя же, милый... Докторъ будетъ
недоволенъ!—тихо уговариваетъ его дѣ-
вушка.

— Не мучьте меня! Оставьте... Оставьте
въ покоѣ! съ раздраженіемъ произноситъ
больной и закрываетъ уставшія вѣки глазъ.
Въ комнатѣ воцаряется тишина...

Больной забылся и дремлетъ... Онъ
бредитъ тепломъ и свѣтомъ. Онъ ждетъ
весны...

— Жить хочется!.. Жить!.. шепчетъ онъ
иссохшими губами. Въ груди его хрипитъ,
и маленькіе кусочки легкіхъ съ каждымъ
днемъ превращаются въ гнилую труху...

На лбу появляются капли пота.
Дѣвушка склонилась надъ нимъ и за-
сматриваетъ въ его лицо, изборожденное
мелкими болѣзненными складками и мор-

щинами. У угловъ губъ эти складки обра-
зовали большія ямки.

Дѣвушка долго всматривалась въ дорогія
черты больного.

Судорожныя всхлипыванія росли въ ея
груды и просились наружу, но она сдержи-
вала ихъ, глотая слезы въ себя.

Нѣтъ ничего тягостнѣе—смотрѣть въ
лицо умирающему!

Нѣтъ ничего несчастнѣе—чувствовать
себя безильнымъ въ борьбѣ со смертью,
стоящей съ косою у изголовья умираю-
щаго!..

И дѣвушка отошла отъ кровати.

Лучи солнца, проникновенные, ласкаю-
щіе, ложились на лицо больного свѣтлыми
тѣнями и играли на его волосахъ и бо-
родѣ.

Дѣвушка подошла къ окнамъ и заки-
нула ихъ гардинами...

Свѣтъ, говорятъ, вреденъ больному.

А на улицѣ таеть... Почернѣвшій снѣгъ
сочится извилистыми змѣевидными ручей-
ками и съ рокотомъ выбѣгаетъ темно-жел-
той влагой въ образовавшуюся канаву
воды.

Этотъ почернѣвшій снѣгъ сдѣлался та-
кимъ же тухлымъ, какъ легкія у чахо-
точного...

Мальчики со смѣхомъ и визгомъ бро-
даютъ по чернымъ лужамъ, брызжутся, ша-
ляютъ, бѣгаютъ другъ за другомъ...

Въ сердце человѣка вливается струя
свѣжаго весенняго аромата. На душѣ дѣ-
лается веселѣе, спокойнѣе... Чего-то хо-
чется, страстно, мучительно хочется... А
чего? И самъ не знаешь... Любви ли одной?
Свободы-ли? Или счастья?

Таеть... Таеть...

— Лиза! Лиза! шепчетъ больной.

И рука его безсильно сваливается на край кровати, а въ глазахъ стоитъ цѣлое море предсмертной тоски и кротости.

— Лиза! Дай руку... Вотъ здѣсь... Такъ... Хорошо...

Маленькая ручка дѣвушки покорно опускается на лобъ больного.

— Лиза!..

— Что, милый.

— Помнишь. Въ прошлую весну, о чемъ мы съ тобой мечтали?

Дѣвушка насильственно улыбнулась, чтобы не обидѣть больного.

— То было раннею весною! припомнилъ онъ тургеневское выраженіе и горько искривилъ свой ротъ въ болную улыбку.

— Да? помнишь?..

— Да... Да... Не надо, милый... Докторъ запретилъ много говорить...

— Лиза! вдругъ оживился больной. Какъ славно жилось намъ съ тобой въ это весеннее время! Мечталось... Вѣрилось... Ты ушла ко мнѣ... Сборы за границу... А потомъ...

Черное облачко грусти легло на лицо больного. Прерывистое дыханіе съ хрипящимъ свистомъ наполнило комнату чѣмъ то тяжелымъ до слезъ, мрачнымъ, зловѣщимъ.

Больной закашлялся...

— Ахъ, Лиза! Лиза!.. началъ онъ снова, когда приступы кашля оставили больного. Жить хочется!.. Страстно хочется!.. А жизнь горитъ... Зачѣмъ? Таеть, какъ снѣгъ... На дворѣ таеть и тають мои силы... Зачѣмъ? Зачѣмъ?

— Ну, полно, милый!.. Къ чему тревожить себя тяжелыми думами? Не нужно!.. печально сказала дѣвушка.

— Бѣдная моя!.. Хорошая, славная дѣвочка! съ безнадежной тоской произнесъ больной.

Таеть... Таеть...

Такъ смерть и возрожденіе идутъ рядомъ, рука-объ-руку не смѣняясь... Жизнь—въ природѣ, и рядомъ—въ маленькой полутемной комнатѣ—смерть!..

Насмѣшка какая то!.. Злая, ужасная насмѣшка!..

— Лиза!.. Недолго... Не жилецъ я, Лиза... Не плачь!.. зашепталъ больной.

Дѣвушка отвернулась въ сторону, чтобы скрыть отъ больного слезы... Рыданія душили ея грудь, просились вонъ, на волю... Бѣдная! Бѣдная!..

— Лиза! Зачѣмъ ты опустила шторы? «Не засти солнца!» Помнишь, какъ у Тургенева?..

— Я думала...

— «Не засти солнца». Славно сказано... Тургеневъ умѣлъ...

Дѣвушка встала съ мѣста и пріоткрыла наполовину гардину.

— Нѣтъ, всю! Всю!.. Вотъ такъ.

Снопъ свѣта, сильные, могучіе, властные, ворвались въ комнату и наполнили ее блескомъ огня...

Больной по дѣтски засмѣялся и началъ ловить рукой бѣгающихъ около его постели по стѣнкамъ «зайчиковъ».

— Не даются! улыбнулся онъ. Поймаю, Лиза... Жизнь поймаю... Нѣтъ, не даются!.. Усталъ...

На лицѣ больного изобразилось страданіе, и лицо его сдѣлалось опять злымъ и сердитымъ.

— Скорѣй бы ужъ! Скорѣй!—метался онъ по кровати и сдавленнымъ полушопотомъ звалъ къ себѣ смерть.

— Вотъ видишь, какой ты!.. промолвила дѣвушка. Я лучше закину штору...

— Нѣтъ! Нѣтъ, Лиза!.. Не надо... Пускай!.. заторопился больной.—Не надо!.. Свѣтъ... Тепло... Солнышко... Да, хорошо... Свѣтъ есть жизнь... Солнце даетъ жизнь... Нѣтъ, не надо!..—онъ началъ бредить...

— Таеть... Журчатъ ручейки... На поляхъ нѣтъ снѣга... Прилетятъ ласточки, и мы улетимъ съ тобой, Лиза... Горы... Горы... Дышется легко... Мы уѣдемъ съ тобой въ Швейцарію...

На улицѣ таеть...

Блѣдное, утомленное безсонными ночами, лицо Лизы печально. Она прислонилась къ косяку окна и изъ-за гардины пристально всматривается въ жизнь улицы. Тамъ здоровые люди копошатся, какъ муравьи въ муравейникѣ, куда то идутъ, спѣшатъ, ѣдутъ, смѣются и оживленно говорятъ при встрѣчѣ другъ съ другомъ... Счастливые!..

— Нѣтъ!.. Я не хочу умирать! Прочь! съ ужасомъ вскрикнулъ больной и замахалъ руками.

Дѣвушка вздрогнула и подошла къ больному.

— Зачѣмъ вы мучаете меня? Что я вамъ сдѣлалъ? Свободы, говорите, хотѣлъ я? Ага! Испугались... Не хочу я въ тюрьму!.. Я жить хочу!.. Жить...

На улицѣ таеть...

Полуденное солнце сильнѣе и сильнѣе грѣетъ промерзшую землю. Весна уже въ полномъ разгарѣ...

Ждутъ ледохода... Рѣка вздулась, какъ пузырь, и вотъ-вотъ выступитъ изъ береговъ, двинется...

Поплывутъ льдины, — поплывутъ мертвецы...

— Пить!.. Пить!..—стонетъ больной.

Жадными глотками отхлебываетъ онъ изъ стакана воду и прерывисто дышетъ... Въ груди его свиститъ, хрипитъ и, такъ и кажется, что маленькіе кусочки перегнившего легкаго стукаютъ о стѣнки его внутренностей.

— Лучше тебѣ? заботливо спрашиваетъ дѣвушка.

Больной не отвѣчаетъ. Его лицо опять стало сердитымъ, непріятнымъ и сѣрымъ. Только зловѣщія, красныя пятна, въ видѣ румянца, играютъ еще на его впалыхъ щекахъ. Онъ о чемъ-то думаетъ... Свѣтъ бьетъ ему въ глаза, и онъ жмурится, стараясь нетерпѣливымъ жестомъ отмахнуть отъ себя горячіе лучи солнца.

— Закрой штору! строго приказываетъ онъ и въ голосѣ его слышится нотка злобы и ненависти. Всегда такъ!..

Лиза послушно исполняетъ желаніе больного.

— А какъ на дворѣ... таеть?—спрашиваетъ онъ уже болѣе мягкимъ тономъ Лизу, послѣ того, какъ она исполнила его приказаніе.

— Весь снѣгъ уже сошелъ... Сильно таеть!.. Въ особенности, сегодня! радостно отвѣчаетъ дѣвушка.

Больной смолкъ. Онъ долго лежалъ съ открытыми глазами, устремленными въ одну точку на потолокъ и все время повторялъ:

— Таеть... Таеть... Таеть...

Пріѣхалъ докторъ и, взглянувъ въ лицо больного, многозначительно покачалъ головою. Когда онъ выходилъ изъ комнаты больного, Лиза догнала его и съ трепещущимъ отъ предчувствія сердцемъ спросила:

— Какъ вы находите сегодня больного, докторъ? Вѣдь, ему лучше? Да?

Докторъ какъ-то безпомощно пріостановился на порогѣ крыльца и съ виноватымъ видомъ сказалъ...

— Таеть... Таеть... А впрочемъ...

Но онъ не договорилъ начатаго утѣшенія, потому что Лиза разрыдалась спазматическими слезами...

М. С. Кларинъ.

О Т Р Ъ Ч Е Н І Е

СТИХОТВОРЕНІЕ

В. ЖУКОВА (Апуля).

Не говори мнѣ о любви

И не зови

Въ объятія пламенной Венеры!..

Согнулся я и посядѣлъ

Отъ пошлыхъ дѣлъ

И недостатка прежней вѣры!

На баррикадахъ я кричалъ,

Ища началъ

Ведущихъ къ счастью и покою...

Я плачь о правдѣ возносилъ

До горькихъ силъ

И влага слезъ лилась рѣкой!

Я былъ въ тюрьмѣ и, полный мукъ,

Какъ злой паукъ,

Ткалъ паутину мысли черной...

Я шелъ на казнь... и предо мной

Смертельный зной

Дышалъ ужъ дымкою тлѣтворной...

Я прожилъ все... Я все проникъ...

Что значитъ мигъ

Любви предъ гробомъ прежней вѣры?

Нѣтъ, нѣтъ!.. Умолкни о любви

И незови

Меня въ объятія Венеры!

Ж Е Н А

РАЗСКАЗЪ

Павла Вейнберга.

Эсперъ Николаевичъ Кульминъ, прокуроръ N—скаго окружнаго суда, легъ послѣ обѣда вздремнуть на полчаса и велѣлъ прислугѣ во что бы то ни стало «растолкать» себя, но никакія расталкиванья не помогли. Эсперъ Николаевичъ съ просонья, такъ энергично выругался, что горничная шарахнулась къ дверямъ, а прокурорская жена—безцвѣтная, малокровная дама, сказала, махнувъ рукой:

— Оставьте его, Аннушка... Пусть онъ бѣдный, поспитъ.

И Эспера Николаевича оставили... Онъ храпѣлъ, посвистывалъ носомъ, ворочался съ боку на бокъ, видѣлъ какіе то страшные, убѣгающіе сны... Комната смѣнялась дремучимъ лѣсомъ и онъ, Эсперъ Николаевичъ Кульминъ въ костюмѣ дровосѣка, съ топоромъ въ рукахъ ходилъ по прогалинѣ и рубилъ вѣковые деревья... Потомъ, ни съ того ни съ сего, приснился комодъ краснаго дерева съ мѣдными углами, потомъ гулянье въ городскомъ саду и фейерверкъ изъ судебныхъ фразъ. Смѣшалось все это отвратительной старухой, которая безъ всякихъ видимыхъ причинъ подошла вплотную къ постели и схватила прокурора за горло длинными, костлявыми пальцами... Тогда онъ дико вскрикнулъ и открылъ глаза...

Непріятные сны сразу обратились въ пріятную дѣйствительность... Безцвѣтная—малокровная Дарья Петровна сидѣла за маленькимъ рабочимъ столикомъ и вышивала мужу шелками туфли...

Въ уютной комнатѣ чуть-чуть пахло керосиномъ отъ убавленной лампы, но это не было противно, а наоборотъ, даже гармонировало съ послѣобѣденнымъ затишьемъ... У натопленной печки, изрѣдка вздрагивая, нѣжилась породистый догъ... Большіе стѣнные часы зашипѣли и пробили мягкимъ отзвукомъ церковнаго колокола—семь...

Эсперъ Николаевичъ умышленно громко зѣвнулъ, крикнулъ нѣсколько разъ, хотя и не чувствовалъ въ этомъ потребности, поднялся съ постели, звонко поцѣловалъ без-

цвѣтную Дарью Петровну и пошелъ къ себѣ, въ кабинетъ—работать.

Тамъ тоже было тихо и уютно. Большая лампа подъ зеленымъ абажуромъ бросала мягкій свѣтъ на массивный письменный столъ, заваленный цѣлою кипю дѣлъ въ синихъ обложкахъ. Съ правой стороны красовался заветный портфель съ изящными серебряными застѣжками, гдѣ хранились «мысли» Эспера Николаевича—разные психологическіе выводы и анализы души чело-вѣческой... Реликвія была придавлена бронзовымъ преспапье. Это означало, что къ ней никто не смѣетъ прикасаться, не включая и Дарьи Петровны...

Когда Кульминъ опустился въ вольтеровское кресло, ему вдругъ сдѣлалось очень хорошо... Онъ испытывалъ довольство сытаго, выспавшагося и обезпеченнаго чело-вѣка, не думающаго о завтрашнемъ днѣ... Къ тому же судьба послала ему великолѣпную жену, кроткую, любящую, отличную хозяйку...

Правда, онъ не разъ измѣнялъ ей съ заѣзжими кафешантанными пѣвицами, но это нисколько не портило дѣла, а наоборотъ, даже какъ-то укрѣпляло семейныя отношенія. De vue—Эсперъ Николаевичъ считался образцовымъ мужемъ и рѣдкостнымъ отцомъ двухъ прехорошенькихъ дочерей, уже начавшихъ «выѣзжать»...

Сознаніе прочнаго, непоколебимаго счастья, и эта большая лампа, бросающая привѣтливый свѣтъ на дѣловыя бумаги—сразу привели Кульмина въ отличное настроеніе. Онъ потянулся, зѣвнулъ еще нѣсколько разъ и, опустивъ ниже зеленый абажуръ, принялся читать...

Завтра въ судѣ разбирается дѣло Кнорышева, обвиняемаго въ убійствѣ своей любовницы, Анастасіи Фарновской, 24 лѣтъ... Эсперъ Николаевичъ будетъ читать рѣчь, и состязаться въ краснорѣчіи съ адвокатомъ Криницкимъ... Криницкій—извѣстная придира...

Кромѣ того у него язвительные, зеленые глаза и утвержденная разъ навсегда улыбка тонкихъ, вздрагивающихъ губъ...

Малѣйшій промахъ обвинителя съ радостью подхватывается улыбающимся адвокатомъ... Онъ немедленно принимаетъ вызывающую позу и проситъ «записать выраженіе въ протоколъ». Съ нимъ нужно держать ухо востро...

Кульминъ терпѣть не можетъ зеленоглазаго адвоката... Вотъ почему онъ особенно тщательно изучилъ дѣло Кнорышева, останавливаясь на такихъ деталяхъ, на которыя прежде бы не обратилъ вниманія.

Дѣло-же, само по себѣ, крайне не-сложно...

Потомственный дворянинъ Кнорышевъ, 30-лѣтъ, имѣющій жену и сына, сошелся съ вдовой полковника, Анастасіей Фарновской. Обладая солидными средствами, Кнорышевъ имѣлъ возможность жить «на два дома», доставляя сторонамъ полный комфортъ... Все, повидимому, обстояло благополучно... Утромъ-же, 17-го сентября, Анастасія Фарновская найдена была въ своей квартирѣ безъ признаковъ жизни... При осмотрѣ трупа обнаружены двѣ раны: одна рваная, на лѣвой щекѣ, другая колотая на затылкѣ. Смерть, по заключенію врача, послѣдовала почти моментально.

Подозрѣніе, естественно, пало на Кнорышева. Его арестовали. На допросѣ, онъ съ поразительной ясностью нарисовалъ картину убійства... 16-го сентября былъ купленъ складной финскій ножъ, который до роковой минуты, лежалъ во внутреннемъ лѣвомъ карманѣ пиджака... Когда на другой день онъ пришелъ къ Фарновской, то прежде всего показалъ ей ножъ и сдѣлавъ «страшные глаза» трагически пробасилъ: «это для тебя!..» Оба много смѣялись въ этотъ вечеръ, пили кофе и бенедиктинъ. Въ двѣнадцатомъ часу неожиданно произошелъ крупный разговоръ... Фарновская, когда злилась, дѣлалась очень некрасивой... Кнорышевъ замѣтилъ ей это и просилъ улыбнуться, но получилъ короткій отвѣтъ: «если тебѣ не нравится мое лицо, можешь убираться!..» Но Кнорышевъ не ушелъ. Его, по собственному выраженію, будто «прилѣпило» къ стулу, а глаза засыпало пескомъ... Такъ

прошло минутъ пять или десять. Потомъ всталъ, совершенно хладнокровно вынулъ изъ кармана ножъ и пошелъ прямо на Фарновскую... На серединѣ комнаты онъ поскользнулся, сказалъ самому себѣ «ловко»... и схватилъ любовницу за руку... Опять послѣдовала просьба «улыбнуться» и опять тотъ же отвѣтъ... Тогда онъ поднялъ ножъ и ударилъ ее немного ниже глаза... Фарновская громко вскрикнула и, странное дѣло, схватилась обѣими руками за здоровую щеку... А онъ успѣлъ въ это время два раза повернуть ножъ въ ранѣ, съ силой дернулъ внизъ и вытащилъ его обратно...

Потомъ теплая, липкая кровь... Кнорышевъ отстраняется, чтобы не запачкать пиджакъ... Фарновская уже сидитъ на полу, прислонившись головой къ буфету и еле шевелитъ поблѣвшими губами... Тогда онъ добиваетъ ее вторымъ ударомъ въ темя. Ножъ сразу натывается на что то твердое, но потомъ свободно проходитъ въ голову... И тутъ уже смерть...

Фарновская бездыханная, только въ горлѣ изрѣдка вздрагиваетъ что-то... Очевидно, запоздалый остатокъ жизни... Кнорышевъ идетъ въ кухню, моетъ подъ краномъ окровавленные руки, бросаетъ финскій ножъ въ помойное ведро и пользуясь отсутствіемъ прислуги, отпущенной ночевать къ мужу, уходитъ незамѣченнымъ домой... а 17-го сентября въ 3 часа его уже арестуютъ... Вотъ и все...

Когда Кнорышева спросили, какіе, собственно, мотивы побудили его совершить преступленіе, онъ растерянно улыбнулся, покраснѣлъ, какъ школьникъ, и тихо прошепталъ:

— Ревность... Я ревновалъ Настю, какъ безумный!..

Эсперъ Николаевичъ повѣрилъ этому, а Криницкій—нѣтъ, и оба начали работать въ различныхъ направленіяхъ... Каждый тянулъ свою линію... Допрашивалась прислуга, жена Кнорышева, знакомые его, ея, Фарновской... Допрашивались дворники, поло-

тери, лихачи, возившіе чуть-ли не ежедневно счастливую парочку за городъ... По однимъ показаніямъ ревность существовала. Прислуга Фарновской прямо заявила слѣдователю, что баринъ нѣсколько разъ являлся къ барынѣ «выпимши» и «упрекалъ» ее въ разныхъ кавалерахъ, а «одинъ вечеръ, даже руку поднялъ, хотѣлъ по личику ударить»... Слова знакомыхъ явно противорѣчили показаніямъ прислуги. Кнорышевъ оказывался самымъ тихимъ, миролюбивымъ человѣкомъ, не способнымъ ни на какую ревность... Добрые друзья клятвенно увѣрили, что Кнорышевъ нѣсколько разъ, въ ихъ присутствіи, уговаривалъ Фарновскую поѣхать на вечеръ въ собраніе, развлечься и потанцовать...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Первый шагъ

РАЗСКАЗЪ

В. Ходоровекаго.

— Хорошо. У меня была подруга, кстати, очень хорошенькая, съ которой я вмѣстѣ училась. Она была очень бѣдная. Я была дружна съ нею, но послѣ мы какъ-то потеряли другъ друга изъ вида. Иду я зимой прошлаго года по Морской, и вижу въ коляскѣ женщину, которая окликаетъ меня. Я не сразу узнала въ ней Лизу, свою бывшую пріятельницу. Одѣта она была очень дорого и шикарно. Тотчасъ усадила меня въ экипажъ и повезла къ себѣ. Маленькая, уютная квартирка, роскошно обставленная. Сначала я даже неловко чувствовала себя съ нею, но общія воспоминанія насъ сблизили, и она со слезами на глазахъ, рассказала мнѣ, что бѣдность и нужда заставили ее жить со старикомъ. Я утѣшала ее, настолько она, казалось, была разстроена. Я говорила ей, что въ этомъ нѣтъ ничего ужаснаго, что это такъ часто бываетъ, и можетъ случиться съ каждой, вѣдь правда?

— Правда.

— Ну, вотъ. Потомъ она пригласила меня къ себѣ вечеромъ, у нея я застала двухъ мужчинъ, одинъ былъ молодой, съ интересной наружностью, другой—ея обожатель. Время провели мы очень весело, много болтали, много смѣялись, молодой за мной ухаживалъ. А потомъ всей компаніей поѣхали къ Кюба. Тонкій ужинъ, вина,—я пила очень много,—обстановка ресторана, въ которомъ я была первый разъ дѣйствовали на мои нервы, и я вела себя все развязнѣе и развязнѣе, впадая въ тонъ, котораго держалась моя подруга. Оттуда мы поѣхали кататься въ двухъ экипажахъ, моя подруга со своимъ спутникомъ куда-то скрылись, и тотъ, который былъ со мною, здѣсь оскорбилъ меня, я выскочила изъ саней въ снѣгъ и плакала на той скамейкѣ, которую я вамъ показала.

— Бѣдняжка, одна, ночью, среди сугробовъ снѣга! Какъ же вы вернулись домой?

— Этотъ господинъ довезъ меня. Всю обратную дорогу я молчала, онъ говорилъ,

что я не поняла его, но для меня было ясно, что все это было устроено заранее, и моя подруга принимала въ этомъ участіе. Потомъ она говорила мнѣ, что никакъ не ожидала такого поступка съ его стороны, но я все-таки перестала у нея бывать.

— Ну, а съ этимъ господиномъ вы встрѣчались?

— Съ нимъ, нѣтъ. Я вамъ даже скажу его фамилію,—Франкель. Онъ кажется довольно извѣстный въ Петербургѣ дѣлецъ.

Они доѣхали до стрѣлки. Вереница экипажей, роскошныхъ ландо, запряженныхъ тысячами рысакими, перемѣшивались съ ободранными извозицкими пролетками, шикарные туалеты женщинъ, блестящіе гвардейскіе мундиры, рядомъ съ платочками модистокъ и пиджаками мастеровыхъ, все это медленно двигалось по кругу, освѣщенное красноватыми лучами склоняющагося къ закату солнца.

Боримірскій и Ната оставили извозчика и пошли по аллеѣ.

— Я не люблю гулять тамъ, гдѣ много публики, пойдемте дальше.

— Идемте.

— Вамъ нравится эта женщина? спросила она, замѣтивъ, что Боримірскій провожалъ глазами проезжавшую мимо въ коляскѣ извѣстную demi-mondain'ку.

— Мнѣ? Да, она обладаетъ красотой, изяществомъ, большимъ умомъ. Я немного знаю ея исторію. Дочь богатаго генерала, она оставила семью, порвала все съ тѣмъ кругомъ, къ которому принадлежала по рожденію, и бросилась съ головой въ вихрь удовольствій. Она вошла въ ту жизнь, гдѣ каждый шагъ даетъ что-нибудь новое, интересное, гдѣ льется вино, золото и кровь. Умные и сильные люди безумствуютъ ради нея, къ ея хорошенькимъ ножкамъ они бросаютъ все, что у нихъ есть, вымаливая у нея любовь. Она раззорила многихъ, ради нея стрѣлялись и убивали другихъ, а она выше всего, весела и жизнерадостна, даритъ

наслажденія безумныя и утонченныя тѣмъ, кто можетъ платить за нихъ. Наружность ангела скрываетъ душу кровожаднаго тигра. И, говорятъ, она не любитъ денегъ, она бросаетъ ихъ пригоршнями направо и налево, она любитъ отнимать ихъ, чтобы потомъ, доведя свою жертву до позора и преступленія, бросить ее и продолжать дальше свой путь, видѣть протянутыя съ мольбой руки впереди и слышать проклятія сзади. Она—олицетвореніе зла, и въ этомъ ея привлекательность и сила.

— Но все же она продается?

— Да, также, какъ и всѣ люди торгуютъ собою! Вѣдь каждый продаетъ то, чѣмъ онъ больше одаренъ, адвокатъ—свое краснорѣчіе, свои знанія, ученый—результатъ его опыта и усидчивости, мастеровой—трудъ своихъ рукъ, всѣ эксплуатируютъ въ себѣ, что могутъ, и за это въ нихъ не бросаютъ камнемъ,—почему же женщина, поступающая такъ же, какъ и другіе, заслуживаетъ презрѣнія, вѣдь она дѣлаетъ это честнѣе, не скрываясь въ чащѣ лжи и самообмана. Если бѣдность, нужда толкнули ее на этотъ путь, то она заслуживаетъ жалости и снисхожденія, если же она, какъ та, про которую мы говорили, поступаетъ такъ благодаря необузданности своей натуры, избытку темперамента, благодаря той силѣ, которая вложена въ нее природой, то она даже не продается, она прямо отнимаетъ и богатство и душу, вслѣдствіе своихъ хищническихъ инстинктовъ. Эта, роковая для многихъ, женщина, слишкомъ необыдена и оригинальна, чтобы о ней можно было говорить съ пренебреженіемъ. Сила внушаетъ страхъ, а не презрѣніе.

— Все, что вы говорите, для меня ново, но, кажется, я могу понять васъ.

— Мнѣ тоже кажется, иначе я не стала бы говорить объ этомъ.

— Ну, а другія женщины, не похожія на нее, нравятся вамъ?

— Какія другія?

— Ну, обыкновенные скромные барышни.

— Отчего же, если их скромность есть только ограда, скрывающая за собою внутреннюю красоту, утонченность чувств, страстный темперамент и сильную натуру, ограда, за которую могут проникнуть лишь самые достойные. Если же скромность есть начало и конец ея духовного существа, если она есть вывѣска мѣщанской добродѣтели, то такая женщина никогда не увлечет меня.

— Ну, а я, вѣдь я скромная барышня, принадлежу къ первой или второй категории, по вашему мнѣнію?

— Безусловно къ первой! Вы тотъ тихій омутъ, въ которомъ водятся черти, я чувствую въ васъ много скрытой силы, которая умѣетъ заставлятъ другихъ безумно страдать и умирать отъ счастья, я чувствую въ васъ огонь, который сожжетъ не мало сердецъ на вашемъ пути.

— Мнѣ гадалка предсказала, что я многимъ принесу несчастье и изъ за меня будетъ нѣсколько смертей.

— А вы вѣрите гадалкамъ?

— Да, вѣрю. Я устала, можетъ быть мы присядемъ.

Они сѣли на скамейку около озера. Заходящее солнце, пробиваясь сквозь листья деревьевъ, погружало свои послѣдніе лучи въ воду. Волна любви и нѣжности, зародившаяся еще при первомъ взглядѣ ея глазъ, подымалась все выше и выше, и сладкій туманъ застилалъ глаза.

— Хорошо здѣсь, Наточка; удивительно, какъ сильно дѣйствуетъ природа весною, когда каждое, едва покрывшееся зеленью деревцо, и первый, едва распустившійся цвѣтокъ, говорятъ о торжествѣ жизни и радости, точно вмѣстѣ съ ароматнымъ, опьяняющимъ воздухомъ вдыхаешь въ себя желаніе жить, любить и страдать! Хочется любви сильной, безумно страстной, такой, когда всѣ мысли, чувства и желанія сосредоточены на одномъ, живешь только ею, счастливы отъ ея улыбки, печалень, если она грустна, когда способенъ совершить ради нея геройскій подвигъ и самое ужасное преступленіе. Хочешь быть великимъ, стремишься къ славѣ, ищешь побѣды, чтобы сложить все у ея ногъ, туда нести свой трудъ, свое вдохновеніе, чтобы какъ достойную награду получить ея любовь!

— Я думаю, немногіе счастливыцы способны испытать все это,

— Да, большинство размѣниваетъ капиталъ, вложенный въ него и растрчиваетъ его по мелочамъ.

— Ну, а вы знакомы съ подобнымъ чувствомъ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ, но я хотѣлъ-бы встрѣтить женщину, которая съумѣла-бы увлечь меня, закружить въ вихрѣ страсти, заставила-бы все забыть ради нея.

— Такой вы не встрѣчали?

— Не знаю, мнѣ кажется теперь, что я нашелъ то, что искалъ. Можетъ быть я ошибаюсь, и образъ, созданный моей фантазіей, принимаю за дѣйствительность. Мнѣ кажется, что ея лучистые глаза забросили въ мое сердце искру, готовую разгорѣться въ пожаръ. Она представляется мнѣ рѣдкой, необыкновенной женщиной, и глаза ея говорятъ о той безднѣ безумныхъ наслажденій и неземныхъ восторговъ, которые выпадутъ на долю ея избранника.

— Кто же эта женщина, или это секретъ?

Своими жгучими глазами она въ упоръ взглянула на него и закрыла ихъ длинной занавѣсью длинныхъ, изогнутыхъ рѣсницъ. Точно лучи этого взгляда приникли глубоко въ самую нѣдра его существа.

— Знаете, Ната, когда вы вскидываете глаза и смотрите на меня такъ, то странное чувство охватываетъ меня. Кажется, что стоишь на краю пропасти, сердце замираетъ и хочется кинуться туда съ головою. Жутко и пріятно. Я расскажу вамъ сейчасъ одну легенду, которую вспомнилъ, хотите?

— Да, расскажите!

— Было говорятъ въ Швейцаріи, а можетъ быть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, озеро, чистое и прозрачное, какъ кристаллъ; находилось оно среди высокихъ утесовъ, и берега его представляли сплошной обрывъ. Небо отражалось въ немъ, и окружавшія скалы бросали свою тѣнь. И каждого, кто, забравшись на скалу, смотрѣлъ на его ровную голубую поверхность, охватывало страстное, безумное желаніе броситься внизъ. Озеро притягивало и манило къ себѣ. Не имѣя силы противостоятъ этому желанію, онъ бросался и погибалъ въ водяныхъ об-

ятіяхъ таинственнаго озера. Такъ и глаза ваши влекутъ къ себѣ. Достаточно разъ взглянуть въ нихъ, чтобы забыть все...

— И погибнуть?

— Слабый можетъ быть погибнуть, сильный -- будетъ бороться и побѣдитъ!

Она какъ-то задумалась, поблѣднѣла, казалось, что она что-то обдумываетъ, что-то рѣшаетъ.

— Послушайте, мнѣ хочется пить.

— Отлично, не можетъ быть ничего проще, какъ исполнить ваше желаніе.

— Но только я хочу такъ, чтобы никто, кромѣ васъ, не видѣлъ, какъ я пью. Можно это?

— Ну, конечно, Идемте, здѣсь есть по близости ресторанъ, гдѣ насъ никто не увидитъ.

Они вышли на дорогу, сѣли на извозчика и поѣхали.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Однажды меня пригласили въ одинъ домъ, гдѣ было много нарядныхъ и красивыхъ женщинъ, которыя съ любопытствомъ всматривались въ меня, ожидая, что я скажу. Но я молчалъ, потому что нельзя распускать языкъ тамъ, гдѣ щебечутъ о красотѣ и нарядахъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ я ничего не понималъ.

— Расскажите намъ что нибудь?—обратилась ко мнѣ сама хозяйка дома.

— Хорошо!—сказалъ я. Я расскажу вамъ о женщинѣ.

— Отлично! Очень хорошо! Это кстати!—послышались со всѣхъ сторонъ поощрительные возгласы изъ дамскаго улья.

Я началъ такъ:

— Въ одномъ мѣстѣ Нише говоритъ, что когда ты подойдешь къ женщинѣ, не забудь захватить съ собою плетку. Я же, Матвѣй Безымянный, говорю, что женщина проситъ медоточивыхъ словъ, а потому, когда ты пойдешь къ ней, набери въ свой ротъ побольше сласей, и тогда тебя полюбятъ... Лучше еще будетъ, если языкъ твой будетъ сдѣланъ изъ червоннаго золота, а зубы изъ дорогихъ камней, обсыпанныхъ брилліантами и жемчугомъ.

— Неправда! Ложь! Клевета!—вскричали въ одинъ голосъ женщины. Мы тоже умѣемъ любить искренно, беззавѣтно, какъ не умѣютъ любить мужчины...

— О, конечно! Конечно!—усмѣхнулся я. Мнѣ приходилось встрѣчать очень много старыхъ и безобразныхъ женщинъ, которыя за ласки любимого мужчины отдавали всѣ свои богатства, закладывали въ ломбарды брилліанты и драгоценности, а сами потомъ ходили по-міру... Это-ли не любовь?!.. Это-ли еще не жертва?!..

Когда я окончилъ послѣднюю фразу, на меня посыпался градъ оскорбленій, насмѣшекъ и брани, а хозяйка дома попросила меня замолчать.

Я взялъ шляпу и ушелъ туда, гдѣ не обижаютъ за откровенныя рѣчи.

Было уже совсѣмъ темно на улицѣ, когда я взошелъ на крыльцо ярко освѣщеннаго дома.

Въ залѣ сидѣло семь нарумяненныхъ женщинъ.

— Семь смертныхъ грѣховъ!—подумалъ я и обратился къ одной изъ нихъ съ такимъ вопросомъ:

— Скажите, милая! О чемъ вы думаете?

— Я думаю о томъ, что вы угостите меня пивомъ!..

— А не думали вы о томъ, что я пришелъ спасти васъ?

— Нѣтъ.

— А почему?

— Ха, ха... Потому, что вы бѣднѣе меня...

Другая подруга отвѣтила еще рѣзче:

— Я не пойду за тобой, потому что ты похожъ на обезьяну!

И только самая безобразная изъ этихъ женщинъ подошла ко мнѣ и сказала:

— Спаси меня! Вырви меня изъ этого вертепа, такъ какъ я ничего не зарабатываю. Мужчины страшатся моей красоты и бѣгутъ отъ меня.

Мы вышли съ ней на улицу. Она робко, оглядываясь по сторонамъ, шла за мной и что-то судорожно сжимала въ своей рукѣ.

Когда мы переходили длинный мостъ, предъ нами выравнялась чья-то мужская тѣнь и загородила намъ дорогу. Это былъ прежній возлюбленный моей спутницы.

Онъ поманилъ ее къ себѣ.

— Есть деньги?—грубо и властно спросилъ онъ ее.

И когда она разжала руку, тамъ оказалось нѣсколько золотыхъ монетъ...

Я остался на мосту одинъ. До меня долетали нѣжныя, тихія рѣчи, которыя спутница влюбленными устами расточала своему кавалеру.

— Вотъ женщина!—сказалъ я самому себѣ. — Завтра она будетъ просить милостыню, ибо всѣ золотые перейдутъ въ карманъ друга-альфонса.

Это-ли не любовь?! Это-ли еще не жертва?!..

О, женщины! Вамъ имя — не ничтожество! — какъ оболгалъ васъ великій Шекспиръ.

Матвѣй Безымянный.

ПОСТЬ.

Облетѣли цвѣты,
Догорѣли огни.

— Ну-съ, дорогіе мои, поздравляю васъ съ окончаніемъ сезона.

— И васъ такъ-же!..

— Что же, въ трактирчикъ?

— Да ужъ, какъ водится.

Отлично, отлично. Всѣ тамъ будемъ — хе-хе-хе-хе! Да-съ, да-съ, потрудились, можно сказать, во всю, большой сезончикъ.

— Плутархъ Ильичъ, а когда прикажете придти за разсчетомъ?

— Мм... за разсчетомъ? Да я думаю денька черезъ два. Завтра сведу балансикъ, а тамъ милости просимъ. Да вамъ много-ли приходится?

— А вы не знаете?

Мм-нѣтъ, знаю хе-хе-хе-хе! — Ахъ, вы, мамуся моя! Нелзя, нелзя жить такъ широко. Въ Москвѣ-то быть придется долго, а съ 35 рублями далеко ли уѣдешь?

— А вы бы прибавили. Небось денегъ у васъ куры не клюютъ.

— Что-вы, что-вы, голубка моя! Какія у меня деньги. Еле-еле концы съ концами сводишь. Сами видите, какія нонче времена пошли. Хлѣбныя-то пѣски начальство забраковало, а на какихъ-нибудь далеко не укажишь.

— Ну, будетъ вамъ ныть — заработали вѣдь... Что ужъ тамъ Лазаря пѣть.

— Вотъ, вотъ всѣ такъ разсуждаютъ! Ахъ, господа, господа, ней дай вамъ Богъ быть въ антрепренерской шкурѣ — не жизнь, а каторга!

— Да, да, то-то тебя и разнесло такъ, еле-еле ноги волочишь.

— Хе-хе-хе шутникъ ты, Агафонъ Егорычъ, шутникъ!

— Я-то шутникъ, а ты вотъ кулакъ, буржуй! Я ѣду въ Москву пухнуть съ голоду да не одинъ, а съ семьей, а ты будешь по трактирамъ шататься, да нашего брата околпачивать. Эхъ, ты Аркашка Счастливцевъ! Везетъ вамъ, негодяямъ. — Ну убирайся къ черту, не торчи передъ глазами, а то денегъ спрошу!

— А я не дамъ.

— Дашь!

— Ей Богу, не дамъ! Ты вотъ всегда такъ, заберешь все впередъ, а потомъ и скулишь. Эхъ, ужъ какой я буржуй. Ты другого такого человѣка днемъ съ огнемъ не найдешь. Ты-бы вотъ у извозчика Леонова послужилъ, онъ дѣйствительно парнекъ съ душкомъ, а я простофиля, я дурачекъ.

— Ахъ ты... Ну и народъ! — вздохнулъ Плутархъ Ильичъ погрозилъ кулакомъ въ сторону рабочего, и утонулъ во мракѣ огни-дора.

— Иванъ! — крикнули изъ уборной.

— Есть! — отозвался рабочий.

Поди-ка, братецъ на минутку!

Въ большой уборной сидѣла группа актеровъ, съ кислыми лицами. Два пожилыхъ, два юнца и одинъ среднихъ лѣтъ.

Рабочій вошелъ и остановился у порога.

— Что прикажете?

— Деньги есть? — спросилъ человѣкъ среднего возраста.

— Деньги? А много-ли надо?

— Рублей пять, шесть.

— Найдутся.

Ну, давай, послѣзавтра сочтемся; а если есть больше, давай еще.

— Нѣтъ, больше пяти не найдется, отвѣтилъ Иванъ и полѣзъ въ карманъ пестраго жилета.

— Ишь ты, какой онъ важный. Жилетъ любовника-фата. Откуда, мой снел?

— Аполлонъ Моисеевичъ подарили.

А! Важная птица! А гдѣ онъ кстати?

— Съ дамой уѣхали.

Такъ, такъ... Парень не промахъ, закрутилъ бабѣ голову, какъ слѣдуетъ. Ну, а Тиночка какъ же? Въ отставку?

Да ну тебя, Сидоръ, получилъ деньги и отчаливай, какое тебѣ дѣло! вступился старый актеръ, которому хотѣлось выпить.

— Идемъ, идемъ, душа моя, сейчасъ. . времени еще достаточно. Да-съ, ловокъ Аполлоша: — бабенка она со средствами и собой ничего себѣ... Не дурно устроился канашка; а мы вотъ такъ не умѣемъ, намъ и въ лобъ не вскочить подобная комбинація. — Ахъ, ты чертъ ты этакій... жиденокъ... Ловко! Ловко!... Ну пошли, братцы, выпьемъ съ горя...

Онъ первый вышелъ изъ уборной и заплѣл.

„Солнце всходитъ и заходитъ,
А въ тюрьмѣ моей темно —
Дни и ночи часовые
Стерегутъ... —

подхватили остальные.

На женской половинѣ еще разгримировывались. Пожилая героиня Рябинская и инженер-комикъ Тулина тоже спѣшили отпраздновать окончаніе сезона. Обѣ малокровныя, съ зеленоватыми лицами, онѣ старались кое-что стереть, а кое-что оставить. У дверей уборной ихъ поджидали два офицера-пріятеля. Они курили крѣпкія папирсы и позѣвывали. Актрисы имъ нѣсколько прискучили, но изъ приличія они зашли пригласить ихъ въ послѣдній разъ. Рядомъ по сосѣдству помѣщалась уборная комической старухи, которая была уже „на взводѣ“, ибо не разсчитывала быть приглашенной къ-мъ-нибудь въ компанію. Она заливала частенько, всегда была одна, питала слабость къ гимназистамъ, которые бѣгали отъ нея, какъ отъ чумы. Старушка возобновила контрактъ съ Плутархомъ Ильичемъ и чувствовала себя нѣсколько обезпеченной.

— Лѣто авось какъ-нибудь промаюсь, а зима есть, — разсуждала она почти вслухъ, и тянула рюмку за рюмкой, любовно поглядывая на бутылку монополюшки.

Остальныя дамы успѣли ужъ давно одѣться и многіе изъ нихъ отправились по домамъ отдохнуть и подумать, какъ прожить въ Москвѣ и что хорошаго ждетъ ихъ въ театральномъ бюро. Изъ году въ годъ мыкались онѣ по захолустнымъ городкамъ Россіи и потеряли всякую надежду выбраться на болѣе широкую дорогу, хотя нѣкоторыя изъ нихъ имѣли на это право.

Но надо знать, что дѣлается на театральной биржѣ, — какъ котируются на ней русскіе таланты и какія средства пускаются въ ходъ, чтобы стать на виду и завоевать себѣ положеніе. Надо хоть годъ подышать этимъ воздухомъ „и въ комъ разсудокъ уцѣлѣтъ“, тотъ пойметъ, что „не въ шитьѣ была тутъ сила“. Актеры небольшого захолустнаго городка, закрывая сезонъ, хорошо это знали. Каждый годъ аккуратно ѣздили они въ Москву, ходили въ свое бюро, глотали клубы дыма, въ которомъ 6—7 недѣль утопали театральныи рынокъ — чихали, кашляли, злостствовали, билось объ стѣны головой, запивали по трактирамъ, а въ итогѣ все-жъ оставались за флагомъ, или снова ѣхали въ какую-нибудь Тмутаракань. Какъ бѣлка въ колесѣ вертѣлись и рангомъ выше стоящіе — т. е. актеры средней провинціи. И когда всѣ эти герои, благородные отцы, любовники, фаты, героини и проч.

стекаясь въ Москву, селились по дешевымъ меблировкамъ, а затѣмъ, наряжаясь на показъ антрепренерскому глазу, появлялись на рынкѣ, то, безъ боли въ душѣ, нелзя было на нихъ смотрѣть — это были не только не герои и не люди свободного труда — это были птицы съ перешибленными крыльями, хромоногія, слѣпая, безсильная, забывшія недавній свой полетъ.

Въ большихъ городахъ, гдѣ актеръ подвизается въ сравнительно лучшихъ условіяхъ, сезонъ кончили съ шикомъ: справлялись бенефисы, читались адреса на сценѣ и труппа бражничала въ первоклассномъ ресторанѣ съ шампанскимъ и тостами. Тутъ были даже кое-какія идеи и вѣянья, ибо среди актеровъ попадались сюда начитанные и съ высшимъ образованіемъ. Но, къ сожалѣнію, радости чистой и свѣтлой, радости общей, независимой отъ кулисныхъ обстоятельствъ не было. И не было единой актерской души, — не были права и преимущества. Многіе, правда, чувствовали себя на распашку, ибо успѣли во время сезона запродать себя на слѣдующій сезонъ. Эта братія ѣдетъ въ Москву — попить, погулять, пофлиртовать съ актрисами, повидаться съ пріятелями, или просто потолкаться на рынкѣ франтовски разодѣтымъ, раздушеннымъ, плѣнительнымъ для дамъ и внушающимъ зависть товарищамъ, не пошедшимъ столь далеко. Эти герои чувствуютъ себя недурно и иногда покровительствуютъ „мелюзгѣ“, одалживая ей рубли“ и даже рекомендуя антрепренерамъ. Дружбы настоящей, необходимой для общаго благополучія, здѣсь, конечно, нѣтъ, но за-то позы и рисовки — сколько угодно. Многіе типы никакъ не могутъ выскочить изъ своего амплуа и походятъ на маріонетокъ. Одни ихъ высмѣиваютъ, а другіе заискиваютъ передъ ними и даже лакейничаютъ.

Когда вы войдете, въ Московское Императорское бюро, то въ углахъ многихъ комнатъ вы увидите, отчаявшихся въ жизни людей. Они сидятъ понуривъ головы, курятъ дешевыя папирсы и говорятъ шопотомъ. Они горькимъ опытомъ пришли къ сознанию, что мыслить надо про себя, иначе всей жизни будущей крестъ. Если кто изъ большихъ удостоитъ ихъ вниманіемъ, то иногда имъ это кажется дикимъ и невѣроятнымъ. Эти люди скорѣй повѣрятъ въ загробную жизнь, чѣмъ въ свое собственное счастье на землѣ. Если войти съ ними въ дружбу и разспросить, что каждымъ изъ нихъ пережито и пережито, то станеть жутко. Этихъ актеровъ, даже, по грузовой квитанціи перевозили изъ города въ городъ, какъ товаръ. Это рабы невѣроятной нужды, до которыхъ никому нѣтъ дѣла. Антрепренеры зачастую подають имъ два пальца, а иногда и того хуже. Но любятъ-ли они искусство меньше тѣхъ, кто держитъ голову высоко и одѣтъ прилично — это вопросъ, и менѣе-ли нужны они для дѣла театральнаго — это тоже вопросъ. Если въ комъ и сохранилась душа на подмосткахъ, то это только въ нихъ — но нахальство всегда и вездѣ беретъ верхъ. Душа тутъ не при чемъ. Сцена, какою ее сдѣлали антрепренеры и нѣкоторые артисты, нуждается больше всего въ рекламѣ и кто ее умѣетъ создавать, тому постъ — будетъ вѣчною масляницей. Они ловко сдѣлають свое дѣло и снова отправятся по городамъ и вѣсямъ служить или прислуживаться. А вотъ тѣ, кто сидитъ по угламъ, тѣмъ постъ ничего хорошаго не обѣщаетъ.

П. А.

ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧѢМЪ НИКОГДА.

Много причинъ заставляютъ меня снова возвратиться къ гастролямъ Маріи Гай. Хочется, во-первыхъ, сказать ей на прощанье наше привѣтственное слово и, кромѣ того, намъ кажется, что мы не высказали передъ нашими читателями всего того, что можно и должно было сказать объ этомъ выдающемся талантѣ. Помимо того, я откровенно сознаюсь, что я чувствую кое-какіе грѣхи на моей рецензентской совѣсти, по отношенію къ этой замѣчательной актрисѣ. Правда, въ нихъ мы оба одинаково виноваты. Не выступай Марія Гай въ первый вечеръ въ роли Кармень, за которой, повторяю, никакихъ особенныхъ, сценическихъ и вокальных достоинствъ не признаю, выступи она въ партіи Далилы, или Азучены въ Трубадурѣ, гдѣ она прямо-таки безподобна, я въ первомъ отзывѣ объ этой актрисѣ не былъ бы такъ рѣзокъ. Мнѣ почему то показалось тогда, что Гай мечтаетъ создать себѣ мировую карьеру путемъ не настоящаго художественнаго творчества, составляющаго удѣлъ натуръ рѣдкой индивидуальности, а путемъ «дешевизны», посредствомъ гипноза толпы, секретъ котораго такъ хорошо постигли многія европейскія дутыя знаменитости. Но все-таки я упрекаю себя въ опрометчивости. Надо было подождать слѣдующаго выхода актрисы въ какой-либо другой роли. Или же, остановившись на отрицательныхъ сторонахъ сценическаго воплощенія образа Кармень, я долженъ былъ говорить и о сторонахъ положительныхъ. Правда, эти послѣднія замѣчались въ однихъ лишь деталяхъ сценическаго воплощенія названнаго образа. Но разъ я пришелъ къ убѣжденію, что вся работа актрисы въ этой роли сводится къ однимъ лишь деталямъ, что больше, чѣмъ характерный жестъ, умное и красивое движеніе, позу, мимику, дополняющія однажды уже установленный шаблонъ, въ этой роли показать нечего, что о глубинѣ и тонкости психологическихъ ситуаций въ роли Кармень рѣчи быть не можетъ, что потрясти душу трагизмомъ или яркимъ проявленіемъ, великой душевной красоты героини въ этой роли нѣтъ возможности, ибо этими достоинствами роль въ самой сути своей нисколько не обладаетъ—то естественно, что на этой сторонѣ сценическаго творчества высокодаровитой актрисы я долженъ былъ остановиться. Остается сказать лишь то, что разъ я имѣю мужество сознаться въ своей ошибкѣ и изъявляю желаніе таковую исправить, то грѣхъ мой на половину мнѣ прощается.

Еще одна причина заставляетъ меня снова поговорить о Маріи Гай. Эта причина—та шумиха, которую вызвало въ лагерѣ нашей театральной критики появленіе этой крупной звѣзды на нашемъ сценическомъ горизонтѣ. Маріи Гай посвятили статьи кромѣ «генераловъ отъ музыкальной критики», нѣкоторые драматическіе рецензенты, беллетристы, съ г. Купринымъ во главѣ и просто критики. Что такое большинство нашихъ современныхъ критиковъ, разные г.г. Пильскіе, Норвежскіе, въ области литературы, и г.г. Кнорозовскіе, Коптяевы въ области искусства, объ этомъ врядъ-ли стоитъ говорить. Какъ величины они до того мелки, что удѣлять имъ вниманіе нѣтъ никакого интереса. Но нѣкоторыхъ общихъ чертъ, свойственныхъ этимъ господамъ «критиканамъ», невозможно не коснуться.

При грубости вкусовъ и притупленности главныхъ органовъ мышленія, лишаящихъ возможности тонко чувствовать и улавливать то скрытое въ твореніи поэта или художника, что обнаружить и показать читателю въ ясной удобопонятной формѣ—есть прямая задача критики. Эти господа «критиканы» обладаютъ отличительной чертой, составляющей такъ сказать альфу и омегу ихъ служенія литературѣ и искусству. Лишенные всякой эрудиціи, часто даже безъ необходимыхъ элементарныхъ знаній—эти господа вездѣ и всюду, гдѣ нужно и гдѣ ненужно примѣняютъ афоризмы модныхъ писателей и поэтовъ, ищутъ и находятъ во всемъ, что то похожее на признанное якобы въ данную минуту новымъ «теченіемъ» въ литературѣ и искусствѣ и въ тупомъ самодовольствѣ мечтаютъ объ увѣковѣченіи своего имени на скрижаляхъ исторіи. Возьмите, на примѣръ, простите за слово, критика, г. Кнорозовскаго. Безъ «оргіазма» и «революціи» въ музыкѣ (?) онъ не обойдется ни въ одной изъ своихъ велерѣчивыхъ статей (см. его статьи о Густавѣ Малерѣ въ «Театрѣ и Искусствѣ» за Ноябрь и Декабрь минувшаго года). Что имѣетъ общаго революція съ музыкой и, что это вообще за дикій наборъ фразъ, все это извѣстно можетъ быть одному лишь г. Кнорозовскому. Но публикѣ все это преподносится въ видѣ глубокомысленнаго трактата въ чисто декадентскомъ духѣ. «Кармень, по опредѣленію этого велемудраго рецензента, такой же вѣчный образъ, какъ всѣ типы великихъ поэтовъ и драматурговъ». Откуда вы это взяли, г. Кнорозовскій? Вы, какъ видно долго думали, пока дошли своимъ умомъ до такого мудраго рѣшенія. Это только го-

ворить за то, что вы хорошо поняли бессмертныя творенія великихъ поэтовъ. «Кармень утверждаетъ г. Кнорозовскій—живое лицо съ муками (?) и восторгами». Гдѣ онѣ, укажите мнѣ г. Кнорозовскій, эти муки, гдѣ вы ихъ видите? Такъ бездарность прикрываетъ убожество своего интеллекта громкой фразой забористой «элоквенціи». «Ничего, думаетъ она, сойдетъ». Дураки сочтутъ еще за человѣка глубокомысленнаго и не безъ таланта. Что касается знаній, то г. Петръ Пильскій давно уже заявилъ, что это одна лишь выдумка разныхъ буквѣдовъ. Къ чему знанія, когда можно быть критикомъ и безъ нихъ? Достаточно прикрасить всякую белиберду претендующимъ на «остроту» словомъ въ родѣ: «уложивъ символизмъ на обѣ лопатки», «темпераментъ молодого окуня» и это уже есть критика. Есть изъ-за чего копыя ломать! По поводу Маріи Гай я такъ и зналъ, что въ ея Кармень найдутъ, что угодно: и стиль модернъ и символику и сверхчеловѣчество и Діонисово начало и проч. и проч. И я не ошибся. Что только не написали объ этой актрисѣ! Купринъ на примѣръ, восторгается ея сморканьемъ. «Женщины, молъ, плачутъ, сморкаются, когда отъ нихъ уходитъ любимый человѣкъ»—пишетъ Купринъ въ «Театрѣ и Искусствѣ» (№ 7)—и Кармень на угрозы дурака Хозе разлукой, отвѣчаетъ сморканьемъ: «молъ, смотри, вотъ я уже плакала», причемъ глаза ея блестятъ «злой насмѣшкой». Все это, по словамъ Куприна, происходитъ въ концѣ 4-го акта. Во-первыхъ, я хотѣлъ бы, чтобы Купринъ указалъ мнѣ, гдѣ Хозе грозитъ Кармень разлукой, вообще, и въ особенности въ 4-мъ актѣ? Что Купринъ можетъ писать о предметѣ совершенно ему незнакомомъ, ссылаясь на свое несомнѣнное дарованіе, что «молъ, кривая вывезетъ», это неудивительно. Но откуда онъ выкопалъ въ пьесѣ упомянутую угрозу Хозе—это прямо-таки непостижимо. Характерно, что онъ указываетъ именно на 4-й актъ. Тогда какъ послѣдній—это одна мольба Хозе: «начать жизнь иную и т. д.». «Я готовъ все забыть; я развѣ угрожаю? Я только умоляю» говоритъ Хозе, кажется, настолько ясно, что даже седьмой рядъ галерки это слышитъ. Во-вторыхъ, сцена «сморканья» происходитъ у Гай вовсе не въ 4-мъ а во второмъ актѣ послѣ того, какъ раздастся звукъ трубы, зовущій Хозе въ казармы. Поучительно, что популярный писатель пишетъ статью, не потрудившись даже предварительно познакомиться съ предметомъ, о которомъ онъ намѣренъ говорить. Получилось, въ общемъ то, что г.

Куприну хотѣлось похвалить актрису, а по-
паль пальцемъ въ небо.

Что же касается Діонисіевскаго начала въ типѣ Карменъ то о немъ, правда, говорилъ одинъ знаменитый мыслитель и философъ. Этотъ философъ былъ никто иной, какъ Фридрихъ Ницше, промѣнявшій свои глубокія симпатіи къ Вагнеру на таковыя къ Бизе. Но по моему, это мнѣніе Ницше относится къ тѣмъ парадоксамъ, которые въ весьма сильной степени были такъ свойственны этому увлекавшемуся мыслителю. Ибо, что общаго между типомъ Карменъ и тѣмъ понятіемъ о сверхчеловѣчествѣ, о великой «красивой» страсти, какъ вѣнцѣ чело-
вѣческаго бытія и, конечной цѣли міро-
зданія, проповѣдь которой составляетъ всю соль ученія Ницше? Въ нашемъ воображе-
ніи сверхчеловѣкъ Ницше не рисуется од-
нимъ лишь страстнымъ животнымъ, не зна-
ющимъ преградъ позыамъ своей крови и
покоряющимъ все и вся велѣнію своей ди-
кой страсти. Мы представляемъ себѣ этого
воображаемаго сверхчеловѣка первымъ дол-
гомъ «красивымъ» не въ одномъ только
физическомъ смыслѣ, а въ строго интел-
лектуальномъ. Мы рисуемъ его себѣ, чело-
вѣкомъ необычайнаго ума, сила котораго
поднимаетъ его надъ общимъ уровнемъ, от-
крывая ему особое, сверхобычное понима-
ніе добра и зла, недоступное заурядной
личности. И такая великая духовная мощь,
вдохновляемая огненной страстью бурнаго
темперамента, толкая индивидуума на ве-
ликіе, «красивые» подвиги, свидѣтельству-
етъ о наличности въ душѣ этого чело-
вѣка той высшей небесной гармоніи, той красивой
экзальтированной страсти, того идеала на-
стоящей «красоты», которая одни и со-
ставляютъ сущность Діонисіевскаго начала.
Короче говоря, Діонисіевское начало не есть
лишь одинъ экстазъ страсти, ибо страсть
можетъ быть поганая, животная, а «эк-
стазъ» — «красивой» героической страсти.
Какіе же «красивые» подвиги, какой ге-
роизмъ души мы видимъ у Карменъ? Если
бы на смѣну хныкающему, ничтожному
Донъ-Хозе, Карменъ, скажемъ, увлеклась
бы Ибсеновскимъ Брандомъ, этимъ колос-
сомъ красоты, силы и высшей не признаю-
щей компромиссовъ правды, если въ страст-
номъ влеченіи къ этой могучей обаятель-
ной личности она тогда пренебрегла бы
всѣми условностями морали, показавъ при-
мѣръ героической неустрашимости и прене-
бреженія къ угрозамъ Донъ-Хозе объ убій-
ствѣ, въ этомъ лишь случаѣ Карменъ можно
было причислить къ разряду исключитель-
ныхъ натуръ, отмѣченныхъ перстомъ Бо-
жіймъ. Но какая заслуга ея въ томъ, что
обыкновенному бригадиру Хозе, она пред-
почла атлета съ болѣе здоровыми муску-
лами и тѣлосложеніемъ? Мнѣ скажутъ, что
ее влекла къ Эскамилю его слава, успѣхи
въ циркѣ. А если и такъ, что же тутъ
особеннаго? Какой женщинѣ не нравятся
кумиры толпы? Развѣ для увлеченія лов-
кимъ торреадоромъ сигарочницъ-цыганкѣ
требовалось особое усиліе мысли? Этотъ
новый выборъ предмета ея страсти стоилъ
ей хоть одной минуты душевной борьбы?
Кромѣ самой низменной, животной страсти,
во всемъ этомъ фактѣ ровно ничего нѣтъ.
Гдѣ же тутъ сверхчеловѣчество, гдѣ ори-
гинальность и незаурядность богатой на-
туры, гдѣ этотъ высшій идеалъ «красивой»
страсти? Не наборъ ли это однихъ гром-
кихъ фразъ и не больше?

Изъ всего вышесказаннаго читатель пой-
метъ, что и самъ Ницше, въ данномъ слу-
чаѣ, увлекся красивой фразой. Такимъ об-
разомъ, если въ такое явное противорѣчіе

съ основной догмой своего ученія впалъ
самъ основатель послѣдняго, что же можно
сказать обо всѣхъ нашихъ пигмеехъ мысли,
варьирующихъ разный Ницшеанскій «вздоръ»
на всевозможные лады? И дѣйствительно,
какой банальностью, въ общемъ вѣдетъ отъ
всѣхъ ихъ потугъ навязать героинѣ оперы
Бизе какія-то сверхчеловѣческія страсти и
порывы. Какой пошлостью и пережевыва-
нѣмъ въ сотый разъ одного и того же,
отдаетъ отъ всѣхъ этихъ мудрствованій на
декадентскій ладъ!

Но я уклонился сильно въ сторону отъ
первоначальной темы настоящей статьи. Я
повторяю: не признавая никакихъ выдаю-
щихся заслугъ, за Гай-Карменъ, какъ соз-
дательницей сценическаго шедевра, ибо сама
роль не обладаетъ необходимыми для этого
достоинствами — я долженъ сказать, что въ
нѣкоторыхъ деталяхъ сценической обработки
типа, артистка очень хороша. Какъ я и
сказалъ въ первой моей статьѣ о Гай — во
многихъ деталяхъ есть масса грубаго, и
это-то какъ-то особенно бросилось мнѣ въ
глаза, когда я ее видѣлъ въ первый разъ,
чѣмъ и объясняется рѣзкій тонъ моей
первой рецензіи. Но когда я видѣлъ Гай на
прощальномъ бенефисѣ вторично въ той же
партіи, этихъ самыхъ минусовъ было какъ
будто меньше и вообще они стушевались
въ массѣ истинно-художественныхъ штри-
ховъ. Изъ послѣднихъ особенно велико-
лѣпны слѣдующіе: сцена, когда Хозе гово-
ритъ, что ему пора въ казарму, его зовутъ.
Карменъ веселая, возбужденная послѣ тан-
ца съ кастаньетами, вдругъ какъ-то удив-
ленно притихаетъ. Ея вопросъ какимъ-то
сдержаннымъ дыханіемъ «*al partir?*», до
того милъ и проникнутъ такимъ тономъ
искренняго удивленія, что Хозе поневолѣ
теряется и не знаетъ, что отвѣтить. Без-
конечно характерно также объятіе Ромен-
дадо, послѣ ухода Тореадора изъ трактира
Лиласъ-Пастья во второй картинѣ: «Ты,
молъ, изъ нашихъ, съ тобой лишь дѣла на-
творимъ». Полно юмора и ѣдкой ироніи
обращеніе къ Цунигѣ послѣ неудачной дуэли
съ Хозе. Гай обращаясь къ нему: «*Bel-saritan*»
берется руками за усы (какъ будто
и у нея такіе же, какъ у Цуниги). Полное
поэзіи и ласки уговариванье Хозе посту-
пить въ контрабандисты. «Туда, туда въ
родныя горы» звучало съ такой трогатель-
ной теплотой и лаской, что мужчина и по-
сильнѣе Хозе врядъ-ли устоялъ-бы передъ
такимъ призывомъ любимой женщины. Ёдкой
насмѣшкой надъ душевной драмой Хозе
является также зѣвокъ Карменъ, издавае-
мый ею при словахъ ея бывшаго возлюблен-
наго о томъ, что въ горахъ «живетъ его
мать, свято вѣрующая, что онъ честенъ».
«Кому это интересно», говоритъ этотъ зѣ-
вокъ. Но особенно художественна одна
фраза въ послѣдней картинѣ. Хозе то хны-
четъ, то негодуетъ. «И такъ ужъ нѣтъ воз-
врата», кричитъ несчастный бригадиръ. «*Si,
io non l'amo*» (да я тебя не люблю) отвѣ-
чаетъ Карменъ съ такимъ подчеркиваніемъ
каждаго слова, что въ этой фразѣ вы ви-
дите способность женщины быть звѣрски
жестокой въ одинаковой степени, какъ она
способна на смиреніе, кротость и рабскую
покорность.

Всѣхъ подробностей отдѣлки партіи,
всѣхъ тонкихъ нюансовъ, конечно, не пе-
речесать. Ихъ безчисленное множество, при-
чемъ большинство изъ нихъ едва уловимо.
Возможности копированія онѣ тоже, врядъ-
ли, поддаются, ибо то, что изящно, художе-
ственно у таланта, въ большинствѣ случа-
евъ, пошло, вымучено и неуклюже у посред-
ственности. И мы тѣмъ болѣе должны быть

благодарны даровитой Гай, что своей вы-
дающейся артистической индивидуальностью
она вноситъ свѣжую струю въ рутину опер-
наго искусства. Съ нею кое въ чемъ можно
не согласиться, но большая уже заслуга ея
въ томъ, что она — величина, съ которой
приходится считаться не только съ точки
зрѣнія условностей, застывшаго въ рутинѣ,
опернаго жанра, но съ точки зрѣнія сцени-
ческаго искусства, вообще. А такихъ высо-
кихъ величинъ, соединяющихъ въ себѣ въ
одно время выдающийся вокальный и такой
замѣчательный сценическій талантъ — въ
наше время очень мало.

С. Генъ.

ИСКУССТВО АКТЕРА.

Дарованіе-безсознательное творчество.
Отличіе таланта отъ генія и способности.

Въ глубокихъ нѣдрахъ безсознательнаго
сохранились путемъ преемственности слѣды
представленій нашихъ предковъ; въ эти
нѣдра проникаютъ и наши сознательныя
представленія, впечатлѣнія и чувствованія,
они мало по малу слагаются въ новыя со-
четанія, таинственно сливаются въ единое
цѣлое и зарождаютъ нѣкую творческую силу,
эта сила по существу является чѣмъ то аб-
солютнымъ, общимъ, безконечнымъ, но стре-
мящимся воплотиться въ личность. Творче-
ство по существу — говорить Ф. А. Ват-
бергъ — состоитъ въ превращеніи общаго въ
частное, единого и абсолютнаго въ личное
и многообразное. Сила творчества такъ зна-
чительна и своеобразна, что проявляется
только въ подходящей индивидуальности,
проявленіе ея по истинѣ чудесно, оно при-
носитъ людямъ радость, имѣетъ даръ про-
зрѣнія и грезитъ на яву художественными
образами — это и есть талантъ. Разложивъ
его мы увидимъ, что послѣдній складывается
изъ разнороднаго сочетанія полузабытыхъ
впечатлѣній при посредствѣ воспоминающаго
и построющаго воображенія, онъ складывается
изъ волевого элемента — вниманія, изъ ху-
дожественной фантазіи и изъ особенной ду-
шевной воспримчивости и чуткости.

— «Вся сила художественнаго творче-
ства — говорить Прельс — зависитъ отъ сте-
пени впечатлительности, отъ способности
различенія, отъ опредѣленности концепціи
и отъ душевной воспримчивости и чут-
кости». Душевная воспримчивость оказы-
вается въ способности къ яркому проявле-
нію ощущеній. Гегель полагаетъ, что геній
и талантъ тождественны и считаетъ ихъ
производительной силой воображенія. Геній
отличается отъ таланта не только интен-
сивностью, но главнымъ образомъ волевымъ
элементомъ и стремленіемъ къ открытію
новыхъ путей; отъ способности талантъ (т. е.
высшая степень дарованія) отличается не
количественно только, но качественно, и
потому послѣдній не есть только высшая
ея степень. Способность есть сноровка къ
извѣстному дѣлу, соединенная съ быстро-
той соображенія, она не идетъ далѣе под-
ражательности и ничего историческаго въ
себѣ не имѣетъ: способность можетъ быть
у обезьяны, талантъ только у чело-
вѣка, способность большей частью соединена съ
увѣренностью въ своихъ силахъ, часто бро-
сается въ глаза, талантъ, обыкновенно, со-
провождается нѣкоторой стыдливостью, по-
рой онъ таится въ чуть замѣтномъ зароды-
шѣ при началѣ его проявленія, за то
ростъ его можетъ дойти до поразительныхъ
размѣровъ, развитіе же способности огра-
ниченно.

Сергій Ратовъ.

(Продолженіе будетъ),

— Программа годовичного собрания В. С. С. Д., состоящагося 16 марта 1908 г.

- 1) Докладъ Центрального Правленія.
- 2) Доклады членовъ Наблюдательнаго Комитета.
- 3) Доклады Уполномоченныхъ отъ отдѣловъ.
- 4) Разсмотрѣніе и утвержденіе отчета за 1907 годъ.
- 5) Дополнительные выборы членовъ Центрального Правленія и кандидатовъ къ нимъ. Выборы членовъ Наблюдательнаго Комитета и Союзнаго Суда и кандидатовъ къ нимъ на 1908 годъ.
- 6) Разсмотрѣніе и утвержденіе Устава пенсіонно-судосберегательной кассы. О Кассѣ Взаимопомощи и разъясненія §§ 3, 21 и 32 Устава этой кассы.
- 7) О процентномъ отчисленіи съ заработка въ пользу Союза. Размѣръ годового членскаго взноса на 1908 годъ. Установленіе предѣльнаго срока для обязательныхъ платежей въ Кассу Союза.
- 8) Доклады Ц. Правленія о работахъ комиссій: по разсмотрѣнію Устава Театральнаго Банка и по выработкѣ печатнаго органа и календаря. О театральномъ клубѣ.
- 9) О мѣстныхъ отдѣлахъ.
- 10) Разсмотрѣніе предложенія объ измѣненіи нѣкоторыхъ пунктовъ правилъ и Устава В. С. С. Д.
- 11) О союзныхъ предпріятіяхъ и о помощи безработнымъ въ связи съ художественной стороной дѣла.
- 12) Заявленія, поступившія въ Ц. Правленіе для представленія на Собраніе Уполномоченныхъ.
- 13) Разсмотрѣніе и утвержденіе смѣты на 1908 годъ.
- 14) Разсмотрѣніе и утвержденіе инструкции Центральному Правленію, его Предсѣдателю, Секретарю и Казначей и Наблюдательному Комитету.
- 15) Текущая дѣла.

КЪ УПРАЗДНЕНІЮ ТЕАТРОВЪ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВЪ.

Въ ближайшемъ будущемъ въ Государственной Думѣ будетъ разсматриваться во-

просъ объ упраздненіи провинціальныхъ Попечительствъ о народной трезвости. Упразднить, конечно, легко: почеркъ власть имущаго пера,—и довольно. Но чѣмъ Попечительство замѣнишь?.. Церковно-приходскими школами?.. Но кому не извѣстно, какъ небрежно,—предназначенно небрежно—поставлено дѣло въ подобныхъ школахъ. Кромѣ нѣсколькихъ молитвъ, да съ трудомъ читать и писать—дальше не идетъ.

Попечительства обвиняютъ въ томъ, что въ нихъ дѣлаютъ совсѣмъ не то, что дѣлать надлежитъ. Едва ли это такъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось, исколесить почти треть театальной Россіи. Въ эту поѣздку я детально познакомился, между прочимъ, и съ дѣятельностью Попечительствъ. Даю слово, что ничего, кромѣ пріятнаго впечатлѣнія я не вынесъ. Вездѣ бьется жизнь, вездѣ слышится живое, честное слово. Читальни въ образцовомъ порядкѣ. Чайныя и столовыя отдаются чистотой. Обѣды вкусныя, и главное—дешевыя. Я самъ не безъ удовольствія обѣдалъ во многихъ столовыхъ. Дешевизна поразительная. Во многихъ попечительствахъ кухню контролируютъ мѣстныя дамы. Я самъ видѣлъ, какъ въ одномъ городѣ прелестная дочь мѣстнаго исправника раздавала кушанья подходящимъ просителямъ. Въ другомъ городѣ мѣстный аристократъ, кулинарь—любитель, поджаривалъ пирожки, изготовленные по собственному рецепту.

Поразила меня разумность и искусство воскресныхъ чтеній. Сколько свѣта, сколько жажды жизни вливаютъ въ сердца простого народа эти радѣтели за народное просвѣщеніе. Много грѣховъ имъ простится за то.

II.

Многіе упрекаютъ Попечительства за то, что члены ихъ обращаютъ преимущественное вниманіе на развлеченія и спектакли. Но вѣдь надо принять во вниманіе и то, что членами Попечительствъ состоятъ преимущественно лица, которыя могутъ удѣлять на Попечительства только свои досуги, т. е. воскресенья и праздники, когда и самимъ хочется отдохнуть и повеселиться. По моему, совсѣмъ немудрено, что устройство спектаклей и зрѣлищъ является для членовъ

въ нѣкоторомъ родѣ развлеченіемъ, пріятнымъ время—препровожденіемъ, что очень захватываетъ въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ жизнь протекаетъ тускло и сѣро. Скажу кромѣ того, что спектакли имѣли и имѣютъ большое вліяніе на умственное и духовное развитіе народнаго зрителя.

Мнѣ сейчасъ припомнился рассказъ Луки изъ „На днѣ“—о нѣкомъ человѣкѣ, который вѣрилъ, что существуетъ „праведная земля“. „Можетъ и меня, Господь удостоить побывать тамъ“, мечталъ, вѣроятно, невѣдомый человѣкъ. Къ сожалѣнію, нашелся „ученый“, который, какъ дважды два четыре доказалъ невѣдомому человѣку, что никакой „праведной земли“ на Божьемъ свѣтѣ не существуетъ. Опечаленный странный человѣкъ пошелъ, да съ тоски и удавился. Пока онъ вѣрилъ въ праведную землю,—онъ жилъ, разочаровали его,—и жизнь для него потеряла всякій смыслъ.

Искусство вообще, а драматическое въ частности, тоже внушаютъ человѣку вѣру въ праведную землю. Герои и героини захаровываютъ народнаго зрителя, дѣлаютъ его отзывчивымъ на всякое добро. Его мозгъ начинаетъ работать, и онъ уже становится не способнымъ на проступокъ или преступленіе. „Укажите мнѣ, говоритъ Викторъ Гюго, такого человѣка, который бы зналъ Шиллера, Шекспира, Байрона и др., и сидѣлъ бы за преступленіе или воровство въ тюрьмѣ. Такого человѣка вы тамъ не найдете“.

Тотъ же Лука говоритъ: „А ты поговори-вай ему, что хорошій онъ, добрый. Онъ и точно станетъ хорошимъ“.

Спрашивается теперь, зачѣмъ же лишать вѣры въ „праведную землю“, зачѣмъ скрывать отъ нея красоту?.. „Красота спасаетъ міръ“, говоритъ Достоевскій. „Безъ красоты и гвоздя не выдумаешь“, вторитъ онъ, а не только ни спасешь и просвѣтишь человечество.

Вл. Линскій.

АКТЕРСКАЯ БИРЖА.

Временное помѣщеніе для сѣзда сценическихъ дѣятелей въ (бывшемъ артистическомъ клубѣ) очень удобно. Огромный залъ раздѣленъ небольшою гостиною. Помѣщеніе для конторы и артистовъ большое, хотя низки потолки и мало свѣта днемъ. Есть отдѣльная комната для переговоровъ антрепренеровъ съ артистами, большой кабинетъ для гг. Бахрушина и Витарскаго. Въ верхнемъ этажѣ большой залъ, гдѣ помѣщается буфетъ (безъ крѣпкихъ напитковъ). Въ помѣщеніи бюро собираются артисты московскихъ театровъ; пріѣзжихъ же пока мало.

Для пробы голосовъ пока записались 6 человекъ; проба будетъ происходить въ старомъ помѣщеніи бюро, гдѣ устроена сцена. Въ Московскихъ театрахъ итоги оказались хорошими.

Художественный театръ заработалъ на нѣсколько тысячъ меньше прошлогодняго; но все же съ большою прибылью.

Опера Зимина, несмотря на прекрасные сборы (на кругъ — около 2,000 рублей), въ виду большихъ расходовъ свела концы съ концами безъ убытковъ.

Театръ Корша далъ хорошіе барыши; и сборы были недурные, да и расходы у г. Корша весьма ограниченные, труппа дешевая, а декорации и бутафорія — еще дешевле. У г. Корша есть артисты, получающіе 30 р. въ мѣсяцъ жалованья.

Фарсъ Сабурова закончилъ сезонъ съ барышемъ въ 20,000 руб.

Съ небольшимъ барышемъ закончилъ опереточные спектакли г. Кубанскій въ Никитскомъ театрѣ.

На закрытіи оперетки Кубанскаго должна была пѣть въ „Веселой вдовѣ“ Н. И. Тамара, но по болѣзни не выступила и ее замѣнила А. А. Смолина. Публика бурно протестовала и требовала даже составленія протокола.

Вѣстей изъ провинціи много. Пока — телеграфныхъ и письменныхъ. Самыя опредѣленныя и положительныя извѣстія относятся къ области отрицательныхъ фактовъ. Они говорятъ о достовѣрныхъ крахахъ различныхъ театральныхъ предпріятій. Правда, въ большинствѣ для театральныя дѣятелей эти факты не новы.

Оперныхъ краховъ, извѣстныхъ пока, два.

Въ Ростовѣ прогорѣло дѣло г. Шумскаго.

Въ Петербургѣ прогорѣло предпріятіе г. Дракули, а затѣмъ и Н. Н. Фигнера, пытавшагося устроиться на развалинахъ лопнувшей антрепризы.

Въ драмѣ несчастій было побольше. Вотъ краткій мартирологъ.

Въ Ярославлѣ потерпѣла фіаско антреприза Н. Н. Алмазова; артисты образовали товарищество и кое-какъ продержались до конца сезона.

Въ Гомелѣ совершенно въ самомъ началѣ дѣла прогорѣлъ А. М. Высоцкій.

Окончилась въ Варшавѣ крахомъ опереточная поѣздка Г. И. Шварца и Г. П. Инсарова-Далматовскаго. Артистамъ недоплачено.

Въ Иркутскѣ лопнуло предпріятіе гг. Кравченко и Долина. Артистовъ выручила дирекція городского театра, удовлетворила претензіи артистовъ и довела затѣмъ дѣло до конца сезона.

Въ Екатеринодарѣ прогорѣла антреприза Дриго-Ратмировой.

Въ Ташкентѣ — г. Яковенко. Артистамъ не уплачено.

Въ Елабугѣ г. Ураловъ бросилъ труппу, не расплатившись.

Въ Севастополѣ прогорѣла, послѣ предварительныхъ неудачныхъ гастролей въ Харьковѣ, антреприза И. Д. Болдырева. Часть артистовъ уѣхала, часть образовала товарищество и доигрывала кое какъ сезонъ.

Въ Харбинѣ послѣ прогара антрепренера г. Вѣлозерскаго артисты образовали товарищество.

Въ Красноярскѣ г-жа Отрадина бросила труппу, недоплативъ 2,000 руб.

Въ Рѣжицѣ не дотянулъ сезона г. Горскій.

Въ Симферополѣ и Евпаторіи потерпѣлъ крахъ г. Яковсонъ.

Этимъ свѣдѣніямъ о крахахъ пока исчерпываются.

Въ Харьковѣ хорошія дѣла сдѣлало оперное товарищество г. Макасова. Взяли, по крайней мѣрѣ, по 75 коп. на марку. Это, при очень высокихъ окладахъ, дастъ болѣе нормальнаго рубля обыкновенныхъ окладовъ.

Хорошо провелъ сезонъ и Н. В. Погуляевъ въ Курскѣ, гдѣ дѣло дало свыше 6,000 руб. пользы.

Изъ текущихъ дѣлъ въ бюро стоитъ отмѣтить новое предпріятіе М. М. Кожевникова, бывшаго арендатора Солодовникова театра.

М. М. Кожевниковъ образуетъ товарищество для эксплуатаціи того же Солодовникова театра. Бюро дано порученіе составить списки свободныхъ въ настоящее время оперныхъ артистовъ, собрать данныя о свободныхъ оркестрантахъ и хористахъ. Съ нѣкоторыми артистами уже начаты прелиминарные переговоры. Есть мысль собрать труппу къ 1-му сентября и начать подготовку репертуара заблаговременно. Открытіе заново и роскошно отдѣланнаго театра ожидается 1—15-го ноября.

Начали прибывать артисты театровъ ближнихъ къ Москвѣ городовъ.

Пріѣхалъ режиссеръ театра въ Шуѣ г. Арди.

Въ Смоленскѣ, гдѣ держалъ драму г. Родзевичъ (подъ упр. А. Н. Правдина), сборы были плохіе: minimum 23 рубля, maximum — 243 рубля („Снѣгъ“ Пшибышевскаго). Сезонъ кончили съ убыткомъ въ 5,000 руб. Труппѣ уплачено полностью. Труппа состояла изъ мало извѣстныхъ артистовъ.

Изъ Владимира пріѣхалъ антрепренеръ г. Глѣбъ Ростовъ. Дѣла шли хорошо; кончили съ 300 руб. прибыли.

ДАВЫДКИНСКІЕ ПИТОМЦЫ.

Литературная богема, или, выражаясь точнѣе, протухшее болото всколыхнулось... Удачно брошенный Гр. Старцевымъ камень вызвалъ на поверхность мутной жидкости массу зловонныхъ пузырьковъ... Они лопаются эти пузырьки и слѣды ихъ остаются на столбцахъ газетъ въ видѣ «писемъ въ редакцію»...

Сочли себя обиженными невѣдомые міру «литераторы», коммисіонеры по продажѣ рукописей, сенсационныхъ писателей, и «принципіально-моральныхъ» газетныхъ сошки!

Какіе-же это литераторы?!

Это только литературные присоски на жизнь и смерть готовые бороться за свое существованіе... При каждой знаменитости (хотя бы и дутой) имѣется рядъ присосковъ. Одинъ другого мельче, одинъ другого бездарнѣе... При Купринѣ ихъ — нѣсколько. Почти всегда — это «будущія знаменитости»... Посмотрите, съ какимъ важнымъ видомъ проходятъ они въ валенкахъ по какому

нибудь собранію или ресторану, тѣснымъ кольцомъ окружая Куприна... Сіяніе «знаменитостей» отражается и на «присоскахъ»; это ихъ радуетъ, волнуетъ и заставляетъ выше поднимать взлохмаченныя, нечесанныя и годами немывытыя головы...

И когда публика обращаетъ вниманіе на Куприна, всегда слышится вопросъ:

«А кто эти дворники вокругъ него?» Литературная богема! Сколько въ ней цинизма! Сколько цинизма въ этомъ умышленномъ пренебреженіи всѣми и каждымъ, сколько мелкой хвастливости въ этомъ появленіи въ валенкахъ среди изящно и нарядно одѣтой публики...

«Смотрите, какіе мы! Нечесанные, немывые, валенки у насъ вонючіе, а намъ на все наплевать!»

И богема нагло сплевываетъ въ сторону обыкновенныхъ смертныхъ.

«На, любуйся моимъ плевкомъ!»

Желаніе поставить себя на подмостки, желаніе хоть на полъ-головы быть выше «толпы», заставляетъ ихъ уродовать самихъ себя, писать «письма въ редакцію», чтобы попутно увидѣть свою фамилію въ печати.

О литературной богемѣ заговорили во время. Довольно позволять наглýmъ людямъ насмѣхаться надъ обществомъ, достаточно глумлѣнія бездарностей, довольно безстыдства дутыхъ знаменитостей и ихъ присосковъ, творческая мысль которыхъ не подымается выше ихъ валенокъ!

Литературный «скандалъ», какъ говоритъ Н. Пружанскій...

Нѣтъ!... — Это только начало того скандала, который надѣлала мелко-злобная, бездарная, свободная отъ всякихъ велѣній совѣсти, въ циничной наглости не знающая удержу богема.

Это начало скандала, который обойдетъ всю читающую массу не только Россіи, — но и Европы. Если клубы поспѣшили закрыть двери передъ богемой, — то изъ русскаго общества надо съ позоромъ изгнать «Давыдкинскихъ питомцевъ».

Ихъ біографіи кратки: родился на улицѣ, навозѣ, выросъ въ кабацѣ, питался водкой и называлъ себя литераторомъ.

Грязные, лживые, развратные и пропившіеся адепты богемы сами себя свалили въ мусорную яму.

Бѣднякъ литераторъ вызывалъ въ обществѣ симпатію, — но пропойца потерявшихъ образъ человека, убившихъ въ себѣ многое — лучшее, что въ нихъ было, нужно выбросить, какъ негодный балластъ, за бортъ всего мыслящаго, интеллигентнаго.

Владимиръ Блохінъ.

Послѣднее произведеніе А. И. Куприна.

Александръ Ивановичъ КУПРИНЪ

проситъ всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ, а особенно лицъ, имѣющихъ съ нимъ журнальныя, газетныя и издательскія дѣла, вѣрить только личнымъ заявленіямъ его, Куприна, или подписи, не внушающей никакого сомнѣнія. Въ сомнительныхъ случаяхъ прошу обращаться за провѣркой ко мнѣ: Гатчина, Елизаветинская, 14. Дѣлаю это потому, что въ послѣднее время кто-то злоупотребляетъ моимъ именемъ въ газетныхъ протестахъ, объявленіяхъ и замѣткахъ, а также въ счетахъ рестораннымъ и инымъ.

А. И. Купринъ — настолько „искренній“ писатель, что въ желаніи рекламироваться не можетъ быть заподозрѣнъ даже несмотря на то, что помѣстилъ свое сочиненіе среди рекламъ!..

ВЪНСКАЯ ОПЕРЕТКА.

Последнія двѣ новинки вѣнцева оказались очень удачными и жаль, что дирекція ихъ поставила такъ поздно. Первая изъ нихъ «Die süßen Grisetten» принадлежитъ перу автора «Веселой Вдовы» Фр. Легаръ и могла бы наряду съ «Въ грезахъ вальса» сдѣлаться гвоздемъ сезона. «Die süßen Grisetten» представляютъ изъ себя пародію на «Богему» Туччини и написаны въ оперномъ смыслѣ. Въ этой одноактной опереткѣ выведена артистическая богема въ лицѣ молодыхъ, живописца, поэта и музыканта и подруги послѣднихъ двухъ, двухъ гризетокъ. Дѣйствіе происходитъ въ мансардѣ занимаемой въ парижскомъ Монмартрѣ выше-названными тремя жрецами искусства. Въ мансардѣ происходитъ импровизированный пикникъ, ссора гризетокъ съ ихъ возлюбленными, послѣдствіемъ чего является уходъ сперва гризетокъ, а потомъ и поэта и музыканта. Остается одинъ живописецъ Жюлиенъ и мечтаетъ о Діанѣ-де Ларошъ-Ренно, богатой аристократкѣ, съ которой его столкнулъ случай и которую онъ забыть не можетъ. Неожиданно появляется сама Діана, происходитъ изящная любовная сцена, заканчивающаяся красивымъ дуэтомъ. Исполнена была оперетта превосходно. Въ главныхъ роляхъ Діаны и Жюлиена выступили г-жа Белла Шрейтеръ и г. Адлеръ. Роль Діаны дала возможность талантливой артисткѣ развернуть свое артистическое дарованіе, заключительный же дуэтъ, превосходно исполненный ею и г. Адлеръ, вызвалъ бурю аплодисментовъ. Изъ остальныхъ исполнителей заслуживаетъ большой похвалы г-жа Грибль, хорошо исполнившая роль одной изъ гризетокъ.

Вторая новинка «Vera Violetta» также одноактна, принадлежитъ перу Эдмунда Эйслера и отличается главнымъ образомъ веселостью содержанія. Дѣйствіе ея происходитъ въ Palais de Glais въ Парижѣ. Здѣсь молодой прожигатель жизни Аристидъ де Сентъ-Клюшъ ухаживаетъ за русской Вѣрой (Vera Violetta), женой Рене Плонгъ-Плонъ. Жена Аристида, Адель, узнавшая объ ухаживаніяхъ мужа хочетъ его поймать на мѣстѣ преступленія, но случай ее сталкиваетъ съ Рене, который ее раньше любилъ, происходитъ цѣлый рядъ комическихъ quiproquo и въ концѣ концовъ все кончается къ общему благополучію. Изъ исполнителей заслуживаютъ большой похвалы г-жи Белла Шрейтеръ, эффектная Адель, и Дорингъ изящная, жизнерадостная Вѣра и г. Штейнбергеръ, игривый эпизодическую роль маркиза-рамоли. Остальные исполнители содѣйствовали ансамблю. Оркестромъ дирижировалъ г. Циглеръ.

— Промелькнувшій въ газетахъ слухъ о переходѣ артистки с.-пб. Малаго театра Е. Н. Рошиной-Инсаровой въ труппу театра Корша нѣсколько преждевремененъ. Хотя дѣйствительно, г-жа Рошина-Инсарова пріѣзжала на-дняхъ въ Москву для переговоровъ съ Ф. А. Коршемъ относительно предстоящаго зимняго сезона, но разговоръ былъ чисто-принципіальный, не вылившійся еще въ окончательную форму.

— На второй недѣлѣ Великаго поста въ Большомъ Варшавскомъ театрѣ начнутся представленія русской драматической труппы. А. А. Плещеевъ, которому поручена художественная часть, открываетъ спектакли Грозой Островскаго съ Е. Н. Рошиной-Инсаровой въ роли Катерины.

— Въ Панаевскомъ театрѣ открыта первая русская театральная выставка, устраиваемая Литературно-художественнымъ обществомъ. На выставкѣ слѣдующіе отдѣлы: Исторія русскаго театра; портреты, бюсты, рукописи, рѣдкія театральныя изданія, афиши; юбилейныя подношенія знаменитымъ русскимъ артистамъ; эскизы декораций и костюмовъ; старая и современная бутафорія. Главные экспоненты: петербургскіе и московскіе театры, союзъ драматическихъ писателей, А. А. Бахрушинъ, И. А. Всеволодскій, А. Е. Молчановъ, М. Г. Савина, В. А. Мичурина, П. В. Самойловъ, С. С. Боткинъ, А. Н. Бенуа, М. П. и О. О. Садовскіе, Н. М. Бездобровъ, В. Я. Свѣтловъ, графъ А. А. Толстой, князь А. И. Сумбатовъ (Южинъ), князь В. Н. Аргутинскій-Долгоруковъ и др. Директора Литературно-художественнаго общества Ю. Д. Бѣляевъ и В. В. Протопоповъ и устроители выставки. Предполагаются: лекціи о балетѣ съ демонстраціями всѣхъ техническихъ приспособленій; драматическіе вечера: «Петербургъ въ старинныхъ водевиляхъ»; «Первая русская оперетка»; вокально-музыкальные вечера и т. п.

— Артистъ театра Корша, г. Пельтцеръ выбранъ отъ труппы делегатомъ на сѣздъ сценическихъ дѣятелей, созываемый для рѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ детальнымъ обсужденіемъ условий «нормальнаго договора». Первое засѣданіе назначено на 3-й недѣлѣ Великаго поста въ помѣщеніи театральнаго бюро.

Среди артистовъ много говорятъ о поѣздкѣ на-дняхъ въ Петербургъ режиссера Художественнаго театра В. И. Немировича-Данченко и свиданіи съ А. С. Суворинымъ. Свиданіе это связываютъ съ возникновеніемъ въ Петербургѣ, въ Маломъ театрѣ, новаго Художественнаго театра. Но это только разговоры, а что дастъ дѣйствительность—неизвѣстно.

— Изъ труппы театра Корша вышли слѣдующіе артисты: г-жи Лисенко, Буткова, Бурина, Зыревская и гг. Радинъ, Дагмаровъ, Загорянский, Ліановъ, Бѣляевъ, Дмитріевъ, Николаевъ, Сабининъ.

Вошли въ составъ труппы на будущій зимній сезонъ: г-жи Карелина-Раичъ, Гарина-Виндингъ и гг. Строителей, Горинъ-Горяиновъ, Щербаковскій, Войнаровскій.

Главный режиссеръ труппы театра „Эрмитажъ“, С. А. Пальмъ, окончательно рѣшилъ покинуть театръ. Въмѣсто него приглашенъ небезызвѣстный въ провинціи артистъ Гаринъ, который вступитъ въ составъ труппы уже съ лѣта.

— Оркестръ Маріинскаго театра вошелъ съ ходатайствомъ о томъ, чтобы первое представленіе возобновляемой оперы «Карменъ» было отложено до ноября и дано въ день бенефиса оркестра.

Оркестръ уже заручился согласіемъ Артура Никиша дирижировать спектаклемъ. Теперь поговариваютъ о приглашеніи г-жи Маріи Гай и Н. Н. Фигнера для главныхъ ролей, а Ѳ. И. Шалапина будутъ просить спѣть партію торреадора.

— Въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ Великаго поста въ «Новомъ театрѣ», у Полицейскаго моста, начинаются спектакли товарищества, сформированнаго артистами Литературно-художественнаго общества. Для открытія идетъ новая пьеса В. В. Протопо-

пова «Власть плоти». Содержаніе пьесы держится въ большомъ секретѣ.

Спб. общество взаимопомощи оркестровыхъ музыкантовъ подало министру Императорскаго двора прошеніе, въ которомъ говорится:

Оркестровые музыканты не состоящіе на службѣ въ Императорскомъ театрѣ или въ придворномъ оркестрѣ, благодаря необезпеченности заработка, находятся въ крайне тяжелыхъ условіяхъ труда. Каждое полугодіе имъ приходится искать мѣста въ оркестрахъ, часто за жалкое вознагражденіе, при полной необезпеченности уплаты жалованья. Неоднократные крахи музыкальныхъ предпріятій, напр.—опера [князя Церетели, музыкальная выставка, русская опера А. Н. Дракули—окончательно подорвали матеріальное положеніе спб. музыкантовъ, многія—лучшія оркестровыя силы—остались безъ всякихъ средствъ къ существованію. Единственнымъ подспорьемъ для частныхъ музыкантовъ являются: балы, маскарады, концерты и т. п. разовыя заработки. Но и тутъ у нихъ являются конкуренты въ лицѣ музыкантовъ Императорскихъ театровъ и придворнаго оркестра, которые (несмотря на то, что придворнымъ музыкантамъ запрещены частныя игры) не только играютъ въ частныхъ домахъ, но и сами берутся составлять оркестры. Такимъ образомъ артисты Императорскаго театра, и въ особенности—придворнаго оркестра, будучи сами обезпечены хорошимъ постояннымъ жалованьемъ, лишаютъ частныхъ музыкантовъ послѣдняго средства въ борьбѣ за существованіе.

Въ виду вышеизложеннаго, общество проситъ запретить, для облегченія ихъ положенія, музыкантамъ Императорскихъ театровъ и придворнаго оркестра игру въ частныхъ музыкальныхъ предпріятіяхъ.

Зло это настолько велико, что бороться съ нимъ представляется громадной трудностью. Къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ музыканты служащіе на казенной сценѣ, пошли по стопамъ артистовъ Императорскихъ театровъ, выступающихъ на клубныхъ подмосткахъ. Что всего удивительнѣе, то это тотъ фактъ, что находятся защитники, пытающіеся доказать, будто «общество взаимопомощи орк. муз.» «только и можетъ, что отнимать у одного члена и передавать другому» («Обозр. Театр.» № 338). Защищать права своихъ членовъ, отстаивать интересы обширнаго класса людей предъ интересами обезпеченныхъ 20-мъ числомъ казенныхъ музыкантовъ—это на языкѣ «Обозр. Т.» называется «отнимать у одного и передавать другому!» Что же почтенный авторъ этой замѣтки понимаетъ подъ понятіемъ «взаимопомощь»? Далѣе, желая кому то прислужиться, авторъ замѣтки пишетъ: «Обезпеченность артистовъ и музыкантовъ Импер. театровъ очень и очень спорна». До такого абсурда можетъ договориться только «Обозр. Т.».

— Въ Субботу 1-го марта въ помѣщеніи курсовъ Поллакъ состоялся оперный спектакль учащихся по классу В. Б. Поллакъ и Д. А. Дума. Поставлено было: сцена изъ оперы «Миньона» муз. Тома, 3-ье дѣйств. изъ оп. «Фаустъ» муз. Гуно, 3-я и 4-я карт. изъ оп. «Трубадуръ» муз. Верди, и 5-я карт. (сцена дуэли) изъ оп. «Евгеній Онѣгинъ» муз. Чайковскаго. Пѣли уч-цы Коцовская, Лауръ, Матвѣва, Чабовская, уч-ки Сиротинъ, Сулицкій, г.г. Лазаревъ и Кайдановъ.

Милостивый Государь

Г. Редакторъ!

Не откажите въ любезности помѣстить въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ слѣдующія строки:

Всѣмъ вспомнившимъ меня въ день 20-ти-лѣтія моей артистической дѣятельности приношу мое искреннее русское спасибо. Актеръ Евгеній Алашеевскій.

== ПО РОССІИ. ==

Вильна. На дняхъ состоялось общее собраніе членовъ виленаго еврейскаго музыкально драматическаго общества. Разсматривался вопросъ о заявленіи правленія общества, что оно слагаетъ свои полномочія. Поводомъ къ выходу всего состава правленія послужило то, что нѣкоторые члены общества, не желая подчиняться постановленію Правленія, требовали пропустить ихъ на музыкальный вечеръ по ихъ временнымъ билетамъ, и это требованіе послужило поводомъ, что вечеръ былъ отложенъ. Не желая раздувать этотъ инцидентъ, правленіе предпочло исчерпать его выходомъ in corpore въ отставку. Собраніе однако не согласилось съ мнѣніемъ правленія и послѣ долгихъ дебатовъ приняло слѣдующую резолюцію: что хотя практическая организація вечера была не особенно хороша, общее собраніе находитъ однако поведение членовъ общества, сорвавшихъ вечеръ, безтактнымъ и проситъ Правленіе Общества принять обратно свою отставку. Избраны кандидаты къ членамъ Правленія и члены Ревизіонной комиссіи.

На дняхъ состоялся концертъ извѣстнаго піаниста Леопольда Годовскаго, мѣстнаго уроженца.

Леопольдъ Годовскій родился въ Вильнѣ 13 февраля 1873 г.

Юрьевъ. Гастроль артиста Императорскихъ театровъ Н. Н. Ходотова собрала многочисленную публику. Шли „Привидѣнія“ Генриха Ибсена. Въ этой роли я видѣлъ г. Ходотова въ прошломъ году въ Петербургѣ и помню, что впечатлѣніе отъ спектакля вынесъ весьма слабое. Роль Освальда чрезвычайно трудная и не многимъ артистамъ по плечу. Послѣ г. Орленева, почти удовлетворилъ лишь П. В. Самойловъ. Что же касается г. Ходотова, то онъ оказался весьма слабымъ исполнителемъ этой роли. И у насъ въ Юрьевѣ новаго артистъ ничего не показалъ. Освальдъ ему не по средствамъ и навѣрно симпатичный артистъ исключить его изъ своего репертуара, дабы не портить о себѣ впечатлѣнія.

Театраль.

Казань. Съ великаго поста начинается оперетка. Состоялся цѣлый рядъ бенефисовъ: г. *Валуа* („Убѣжище“), г-жи *Миличъ* („Духъ земли“), г. *Кручинина* („Великій Калиостро“), г. *Лукина* („Честный человѣкъ“), г. *Собольщикова-Самарина* („Король Лиръ“), г-жи *Петипа* („Сфинксъ“ Октава Фелье и „Мальва“), г. *Добровольскаго* („Туннель“) г. *Людвигова* („Стрѣлы амура“) и г. *Боуръ* („Три сестры“). Въ матеріальномъ отношеніи наименѣе удачными были бенефисы: г-жи Петипа и гг. Добровольскаго, Людвигова и Боуръ. Подъ конецъ сезона поставили „Бранда“, съ г. Собольщиковымъ-Самаринымъ въ заглавной роли. „Брандъ“ имѣлъ значительный успѣхъ. Наибольшими симпатіями публики и критики попрежнему продолжаютъ пользоваться г-жи *Львова*, *Миличъ*, *Можанская*, *Славатинская* и отчасти *Кручинина-Валуа*, и гг. *Василевъ* (въ бенефисъ ставитъ „Ревизора“), *Валуа*, *Людвиговъ*, *Боуръ*, *Кручининъ* и самъ *Собольщиковъ-Самаринъ*. Сборы въ общемъ—не плохи. Въ ближайшемъ камерномъ собраніи казанскаго отдѣленія Императорскаго русскаго музыкальнаго общества ожидаются г. *Фигнеръ*, г-жа *Ренэ-Радиана* и г. *Гутенбергъ* (рояль).

Е. Г.

Иркутскъ. Опереточная труппа г. Валентетти, судя по дѣламъ, кончитъ сезонъ блестяще.

Серьезное отношеніе къ дѣлу всѣхъ членовъ труппы, энергичнаго режиссера г. Полтавцева и самаго антрепренера, не жалѣющаго никакихъ средствъ на обстановку и костюмы — упрочили довѣріе къ труппѣ публики и сборы всегда почти полные.

Труппа составлена очень умѣло, репертуаръ состоялъ изъ старыхъ и новыхъ оперетокъ. Имѣютъ успѣхъ примадонны г-жи *Варгина*, *Террачано* и артистка на комическія роли г-жа *Калмыкова*; изъ артистовъ можемъ отмѣтить гг. *Писарева*, *Рафальскаго*, *Никольскаго*, *Шелехова*.

Фа-диззъ.

Нисловодскъ. Театръ при курзалѣ Владикавказской ж. д. остался за прошлогоднимъ антрепренеромъ Литвиновымъ.

Кавказскія Минеральныя Воды. Въ прошлую осень 1907 года кончился контрактъ Управленія Водъ съ арендаторомъ трехъ казенныхъ театровъ (Пятигорскъ, Ессентуки, Желѣзноводскъ), артистомъ Спб. Императорскихъ театровъ С. В. Брагинимъ.

Въ виду неудовлетворительнаго веденія дѣла за послѣднее время С. В. Брагинимъ и массы инцидентовъ возникшихъ на этой почвѣ, Управленіе Водъ рѣшило не возобновлять съ нимъ контракта и разослало около 30 заявленій всѣмъ крупнымъ столичнымъ и провинціальнымъ антрепренерамъ о сдачѣ на предстоящій лѣтній сезонъ казенныхъ театровъ на Кавказскихъ Минеральныхъ Водахъ.

Какъ мы слышали отъ компетентныхъ лицъ, условія контракта на этотъ разъ будутъ нѣсколько измѣнены. Такъ, довольно тяжелое для антрепренера нововведеніе — это необходимость взноса залога (5.000 р.) полностью при заключеніи контракта, чего въ прежніе годы не было; залогъ удерживался процентами со спектаклей постепенно въ теченіи перваго года аренды. Кромѣ того Управленіе Водъ рѣшило взимать плату за электрическое освѣщеніе.

До сихъ поръ еще никто не заявилъ желанія снять казенные театры на новыхъ условіяхъ.

Рига. Послѣднія недѣли въ русскомъ театрѣ были интересны въ смыслѣ репертуара. Послѣ неудачной постановки Ибсеновскаго „Бранда“ и хроники Гнѣдича—„Холопы“, обставленной очень неряшливо, прошли съ большимъ успѣхомъ три гастроліи Орленева. Артистъ выступалъ въ „Преступленіи и наказаніи“, „Братьяхъ Карамазовыхъ“ и въ „Призракахъ“. „Маскарадъ“, „Бѣсы“, „Розы“ Зудермана и „Принцесса Греза“—пьесы также еще не шедшія въ Ригѣ.

„Пробужденіе весны“, разрѣшенное цензурой, сдѣлало опять рядъ сборовъ. Нечего говорить, что почти каждая новая пьеса шла въ какой-нибудь бенефисъ.

Если въ ближайшее время положеніе провинціальнаго актера было настолько обезпечено, что онъ долженъ былъ прибѣгать къ

бенефисамъ, не брезгая даже въ приемъ «надбавокъ», то теперь объ этомъ разсказываютъ, какъ объ скверномъ анекдотѣ. Наши «премьеры» даже въ провинціи, настолько обезпечены, что прибѣгать къ бенефисамъ, по моему, имъ совсѣмъ не нужно. Даже какъ выраженіе симпатіи публики актеру бенефисы утратили свой смыслъ, ибо публика идетъ на бенефисъ также, какъ идетъ на «субботникъ» въ циркъ, т. е. на другихъ посмотрѣть и себя показать. Если уже устраивать бенефисы, то въ пользу «меньшихъ» товарищей, которые дѣйствительно заслуживаютъ ихъ своимъ упорнымъ трудомъ и которыхъ не мало въ каждой труппѣ.

Сезонъ закрылся 25-го февраля и о спектакляхъ въ посту пока еще не вѣстно.

С. Р.

Ровно.—Наша русско-малорусская оперетта подъ управленіемъ Б. А. Бродерова пользовалась значительнымъ успѣхомъ. Успѣхъ слѣдуетъ приписать довольно хорошему ансамблю и весьма разнообразному репертуару. Русскія оперетки чередуются съ малорусскими операми и оперетками. Съ декоративной стороны оперетки обставляются довольно удачно. Были поставлены: «Гейша», «Суламиръ», «Запорожецъ за Дунаемъ», «Рабыни веселья», «Цыганка Аза», «Шерлокъ Хольмсъ», «Маріани», «Русская свадьба», «Аскольдова могила», «Корневильскіе колокола», «Сорочинская ярмарка». Сборы удовлетворительные.

Изъ женскаго персонала успѣхъ выпалъ на долю премьерши Н. М. Кочубей-Дзбановской. Красивая сценическая внѣшность и пріятный миловидный голосъ способствовалъ ея успѣху. Успѣхомъ пользовались также: г-жи Потоцкая, Чарина и Шереметьева. Изъ мужскаго персонала выдѣляются премьеръ г. Громовъ, г. Недоля—хорошій комикъ и въ драматическихъ роляхъ г. Савельевъ.

14-го февраля состоялся бенефисъ управляющаго труппы М. Г. Маркова. Поставлена была комическая опера въ 4 д. М. П. Старицкаго «За двумя зайцами» и «Новые цыганскіе романсы».

«За двумя зайцами» была разыграна заразительно весело г-жей Кочубей-Дзбановской, Шереметьевой, Потоцкой и Подвысоцкой и г.г. Недолей и Петренко. Бенефициантъ г. Марковъ былъ привѣтствованъ публикой и товарищами по труппѣ, которые поднесли ему цѣнный подарокъ. Привѣтственное слово отъ имени труппы было сказано артистомъ Савельевымъ, отмѣтившимъ тернистый путь управляющаго труппой.

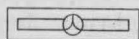
— Нельзя не похвалить устраиваемые г. Бродеровымъ по субботамъ утренники для дѣтей по дешевымъ цѣнамъ. Они пользуются успѣхомъ и переполняются оживленной и сіяющей дѣтвора.

— Въ залѣ Благороднаго собранія драматической труппой И. М. Хохлова съ А. М. Чаровымъ—Сабининымъ во главѣ, поставлена была пьеса Осипа Дымова. «Каинъ». Роль Каина игралъ г. Чаровъ-Сабининъ, Ипполита—г. Хохловъ. Пьеса была разыграна неважно. Сборъ былъ и того хуже. Хорошія мѣста въ пьесѣ пропадали благодаря излишней афектаціи и повышенности, съ какой игралъ Каина г. Чаровъ-Сабининъ. Пьеса эта поставлена была у насъ въ свое время Передвижнымъ театромъ П. П. Гайдебурова и имѣла большой успѣхъ.

М. О. Блихъ.

Г. Проскуровъ. Драматическая труппа подъ режиссерствомъ Н. В. Кастровскаго, какъ можно было предвидѣть, не выдержавъ сезона распалась. На смѣну ей къ намъ приѣхало товарищество опереточныхъ артистовъ подъ управленіемъ и режиссерствомъ Федора Васильевича Левицкаго. Труппа большая и довольно приличная, красивый и стройный хоръ подъ дирижерствомъ хормейстера г-на Гавриленко и собственный оркестръ. Репертуаръ разнообразный и состоитъ изъ украинскихъ и русскихъ оперетокъ. Были поставлены оперетки «Игрушечка», «Птички пѣвчія», «Гейша», «Цыганскія романсы», «Бѣдныя овечки», «Маскотъ» (Красное солнышко), «Сыщикъ Леокъ», «Майская ночь» и «Аскольдова могила». Пьесы обставлялись и проходили безукоризненно, и труппа произвела на публику очень хорошее впечатлѣніе. Г-жа Лучинская обладательница прекраснаго сопрано, колоратура и диапазонъ котораго не заставляютъ желать ничего лучшаго. Не малымъ успѣхомъ пользуются также г-жи Доманская, Барвинокъ и г.г. Левицкій, Лучинскій, Замятинъ, Масютинъ и Шулгинъ. Остальной составъ труппы, не исключая выходныхъ артистовъ, на своихъ мѣстахъ. Въ матеріальномъ отношеніи труппа дѣлала солидные для нашего города сборы (230—240 руб. на кругъ).

Е. К.—меръ.

Бѣлостокъ. 13-го февраля итальянская опера бр. Гонсалесъ закончила у насъ свои спектакли и выбыла въ Гродну. Составъ труппы:

Женскій персоналъ: Санкіолли - Брусо (драм. сопрано), Кавалери (лир. сопр.), Гонсалесъ (колор. сопрано), Тессароли (меццо-сопрано), Пармиджани (контральто), Деколь (комприм.).

Мужской персоналъ: Бальбони и Прокаччи (тенора), Беллони и Феррари (баритоны), Диджуліо и Мори (басы), Джунта, Альфіери и Коджани (компримаріи). Хоръ и оркестръ состоитъ изъ 35 человекъ. Дежириуетъ Джіовани Гонсалесъ.

Шли слѣдующія оперы:

«Трубадуръ», «Фаустъ», «Травиата», «Тоска», «Сельская честь» и «Паяцы», изъ которыхъ въ художественномъ отношеніи прошли особенно удачно «Паяцы» муз. Леонковалло. Г-жа Кавалери (Неддо) имѣла хотя средній успѣхъ, но тѣмъ не менѣе я долженъ замѣтить, что партія эта слишкомъ сильна для нея, ибо г-жа Кавалери является по природѣ скорѣе пѣвицей лирической, чѣмъ драматической; вслѣдствіе чего мѣстами чувствовалось въ ея голосѣ утомленіе отъ сильнаго напряженія. Г. Беллони (Тоніо) оказался въ драматическомъ отношеніи лучше, чѣмъ въ вокальномъ. Послѣднее въ «Паяцахъ» не имѣетъ столь важнаго значенія, ибо сценическая сторона этой оперы стоитъ на исключительной высотѣ. Прологъ онъ спѣлъ со вкусомъ, но съ нѣкоторыми антимузыкальными подчеркиваніями. Въ общемъ онъ былъ весьма типичнымъ Тоніо. Съ должнымъ вниманіемъ отнесся къ своей трудной роли г. Бальбони. Послѣдній, какъ въ голосовомъ, такъ и въ сценическомъ смыслѣ далъ чрезвычайно живой типъ паяца Каніо. Съ большимъ чувствомъ онъ передалъ столь нравящееся массамъ аріозо:

«Смѣйся паяцъ» съ слѣдующей нѣмой сценой. Аріозо, по настойчивому требованію публики было имъ повторено. Хоръ пѣлъ стройно. Недурное впечатлѣніе про-

изводитъ оркестръ подъ упр. Д. Гонсалесъ. Послѣднему нужно лишь поставить въ упрекъ, что по временамъ онъ слишкомъ громко его ведетъ. Костюмы приличные и отличаются соблюденіемъ стиля. Съ матеріальной стороны труппа потерпѣла убытки. За пять спектаклей выручено всего около 800 рублей. 14 с. м. въ пользу Общества вспоможенія приказчиковъ была поставлена любителями драм. искусства пятиактная пьеса «Подъ гнетомъ наживы». Послѣдняя принадлежитъ перу мѣстнаго автора бѣлосточанина—Микулина. Въ этой пьесѣ наблюдается яркая картина изъ жизни приказчиковъ, гдѣ авторъ главнымъ образомъ, рисуется отношенія хозяевъ къ своимъ служащимъ. Сюжетъ этотъ разработанъ удачно и облеченъ въ живую сценическую форму, благодаря чему зрителя приковываетъ развивающееся передъ нимъ каждое дѣйствіе. Общее впечатлѣніе отъ пьесы получается цѣльное.

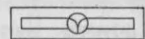
Что касается исполненія, то любители хотя и оправдали возложенную на нихъ задачу, но тѣмъ не менѣе во многихъ мѣстахъ замѣтны были крупные недочеты, какъ напр.: недостатокъ срепетовки пьесы, далеко не твердое знаніе текста ролей. Было замѣтно, какъ нѣкоторые изъ исполнителей усердно прислушивались къ звукамъ идущимъ изъ суфлерской будки, благодаря чему они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сильно паузили. Немалый упрекъ заслужилъ также и пом. режиссера г. Садыкеръ, по винѣ котораго занавѣсъ въ послѣднемъ актѣ былъ преждевременно опущенъ. Это отчасти меня удивляетъ, ибо Садыкеръ въ прежнихъ постановкахъ спектаклей зарекомендовалъ себя очень дѣльнымъ и умнымъ помощникомъ режиссера.

Для зрителя дефектъ этотъ, конечно, не былъ замѣтенъ, но мнѣ, знавшему пьесу ранѣе, это сразу бросилось въ глаза.

Изъ любителей особенно выдѣлились г-жи: Павловичъ, Слоны, г.г. Иваницкій, Фрейдкесъ, и Мартыновъ. Послѣдній безукоризненно провелъ трудную роль служащаго Синайскаго. Очень недуренъ былъ въ заглавной роли молодого хозяина, Краковскаго—профессіональный артистъ г. Моковский.

Остальные по мѣрѣ возможности старались поддержать общій ансамбль. Пьеса шла подъ личнымъ наблюденіемъ автора. Послѣдняго послѣ третьяго акта шумно вызывали. Публики было очень много.

Ц. С.

Воронежъ. Зимній театръ, дирекція котораго понесла около 5 тысячъ рублей убытка, кажется свелъ концы съ концами. Серия бенефисовъ прошла очень скверно.

Нѣсколько словъ о составѣ труппы. Единственными тружениками, выносящими на своихъ плечахъ почти весь репертуаръ, являются г.г. Олигинъ (какъ актеръ, но не какъ режиссеръ, каковымъ онъ и состоитъ) Леоновъ и г-жи Велизарій, Стоянова и Кряжева, этимъ и изсякается весь багажъ труппы состоящей болѣе чѣмъ изъ 30 человекъ. Не можемъ не помянуть г. Горина, который своей игрой, вращеніемъ бѣлковъ и голосомъ напоминаетъ злодѣевъ въ старыхъ пьесахъ. Странно, какимъ образомъ выпускаютъ иногда на отвѣтственные роли г-жу Фальковскую, которая не можетъ произнести фразу безъ смѣха, чѣмъ приводитъ въ смущеніе своихъ партнеровъ и иногда цѣлыя сцены скомкиваются и пропадаютъ.

— Не безынтересный юбилей будетъ праздновать 22 Апрель с. г. В. Ф. Цейтцъ; въ этотъ день исполняется 15 лѣтъ любительствованія на воронежскихъ сценахъ: такъ онъ игралъ въ Яхтъ-клубѣ, въ городскомъ театрѣ и мн. другихъ. 22 Апрель 1893 года онъ первый разъ выступилъ на подмостки въ пьесѣ „Не въ свои сани не садись“, для своего юбилея онъ предполагаетъ поставить эту же пьесу.

— 7-го февраля состоялась первая гастроль М. М. Петипа: поставили „Губернёр“. Всѣхъ гастролей 5: „Полусвѣтъ“, „Внѣ закона“, „Кинъ“, „Казнь“ и „Смерть Наполеона I“. Гастрольная труппа—плоха; отмѣтимъ г. Анчарова, и конечно Петипа. Про жену же послѣдняго скажемъ, что г-жа Радина—жена Петипа и поэтому получала со спектакля по 25 рублей.

— Въ дворянскомъ собраніи были концертъ Шевелева и Леи Любошицъ. Сбору около 1000 рублей. Концертъ Маріи Кантони состоялся.

Были торги на аренду на слѣдующее трелѣтіе нашихъ городскихъ театровъ. Театры (зимній и лѣтній) остались за г. Струйскимъ за 4000 руб. Курьезно, что на торгахъ, благодаря нашей театральной комиссіи, выработавшей условія аренды,—г. Струйскій явился unicus'омъ и за отсутствіемъ конкурентовъ взялъ театры за минимальную сумму, съ какой должны были начаться торги!.. Вообще надо сказать, наша театральная комиссія въ своихъ «постановленіяхъ» изрядно «намучилась!». Съ ней случился тотъ грѣхъ, про который хохлы говорятъ «круты, да не перекручивай»!.. Комиссія рѣшила отдѣлать аренду театровъ отъ ихъ доходныхъ статей, какъ напр., буфетъ, вѣшалка, которая сдавались бы отдѣльно въ аренду. И въ результатѣ вотъ что: вмѣсто пониженія арендной платы за театры, какъ того требовала мѣстная печать съ цѣлью сдѣлать театръ болѣе доступнымъ широкой массѣ, получилось повышение ея на 1 тыс. руб. въ годъ, мало того арендаторъ на буфетъ и вѣшалку зимняго театра нашелся, а на буфетъ при лѣтнемъ театрѣ, открытіе котораго, конечно, послѣдуетъ раньше зимняго чуть-ли на цѣлое полугодіе,—охотниковъ арендовать его нѣтъ и за эту сумму (8 т. р.), едва-ли и найдется!.. И если арендаторъ буфета и вѣшалки при зимнемъ театрѣ раздумаетъ и пожертвуетъ своимъ залогомъ, что очень вѣроятно въ виду высокой цифры аренды (свыше 5 т. р. въ годъ), то нашимъ «отцамъ» города останется одно: либо самимъ выступить за прилавкомъ буфета, либо признать, что въ погонѣ „за постановкой у насъ театрального дѣла на новой почвѣ“, о чемъ, по признанію одного изъ членовъ нашей театральной комиссіи, послѣдняя заботилась, комиссія, посадила и себя и нашу думу въ лужу и не мудрствуя, лукаво пойти съ поклономъ къ г. Струйскому, авось онъ

выручитъ комиссію и думу изъ бѣды и возьметъ на себя аренду на старыхъ условіяхъ вѣшалки и буфетовъ при театрахъ!.. А иначе можетъ легко случиться, что театральная комиссія, а съ ней и наша дума, желая сорвать лишній рубль на арендѣ театровъ городскихъ, потерпитъ на ней изрядный дефицитъ!.. Хотя это будетъ нашей думѣ подѣломъ за ея жадность!..

Двинскъ. Серію бенефисовъ открыла у насъ любимица здѣшней публики Н. П. Трефилова. Артистка втеченіе сезона играла самыя разнообразныя роли, обнаруживая и недюжинныя способности и интеллигентность. Бенефисъ ея былъ для нея сплошнымъ триумфомъ. При первомъ же выходѣ публика встрѣтила бенефициантку дружными аплодисментами и все время принимала ее очень тепло и поднесла ей цѣнные подарки и живые цвѣты. Съ обычнымъ мастерствомъ и надлежащимъ драматич. подъемомъ бенефициантка провела роль мистрисъ Гордонъ въ пьесѣ «Убіеніе Коверлей». Роли Артура Гордона и Ромера Коверлея, изъ коихъ послѣдній требуетъ и мимики и драматическаго темперамента, съ большимъ успѣхомъ выполнилъ г. Альгинъ. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ пьесы значится Бетса 5—6 лѣтняя дѣвочка, дочь Элленъ и Артура Гордона. Словъ въ этой роли немного и ихъ довольно осмысленно передала подъ суфлера 4—5 лѣтняя Лида Оленчикова. Вышедшій въ пятый актъ изъ туннеляпаровозъ представлялъ довольно эффектную картину. На сценѣ фигурировалъ курьерскій поѣздъ и его крушеніе. Да и въ остальномъ, обстановочная сторона пьесы была вполне удачной. Слѣдующій бенефисъ достался Е. А. Алашеевскому. Бенефисъ совпалъ съ 20-лѣтнимъ юбилеемъ артиста. Евгеній Александровичъ Алашеевскій служилъ почти во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. Онъ началъ свою артистич. дѣятельность въ Кіевѣ (антреприза Н. И. Савина), былъ режиссеромъ драматич. труппы въ Петербургѣ, Москвѣ, Черниговѣ, Псковѣ, Курскѣ, Орлѣ, Могилевѣ и друг. мног. городахъ, одно время также самъ антрепренерствовалъ. Двинская публика съ г. Алашеевскимъ успѣла ознакомиться не только какъ съ опытнымъ режиссеромъ, но и какъ талантливымъ артистомъ. Въ бенефисъ его ставилась извѣстная пьеса «Смерть и Жизнь». Отдѣльныя ситации пьесы производятъ на зрителя сильное впечатлѣніе. Въ монологахъ пьесы и дѣйствіяхъ, выведенныхъ въ ней лицъ, популяризуются главныя основы ученія Христа. Безконечная любовь къ человеку, всепрощеніе и милосердіе. Въ техническомъ отношеніи нѣсколько страдаетъ 5 актъ пьесы: Зрителямъ приходится долго созерцать картину мученія проповѣдника Іоанна, умирающаго пригвожденнымъ къ столбу. Пьеса была обставлена и разыграна превосходно. Роль Іоанна—проповѣдника отлично проведена бенефициантомъ-юбиларомъ г. Алашеевскимъ. Изъ другихъ артистовъ, хорошо исполнившихъ свои роли, заслуживаютъ вниманія: г-жа Елшина (въ роли Фла-

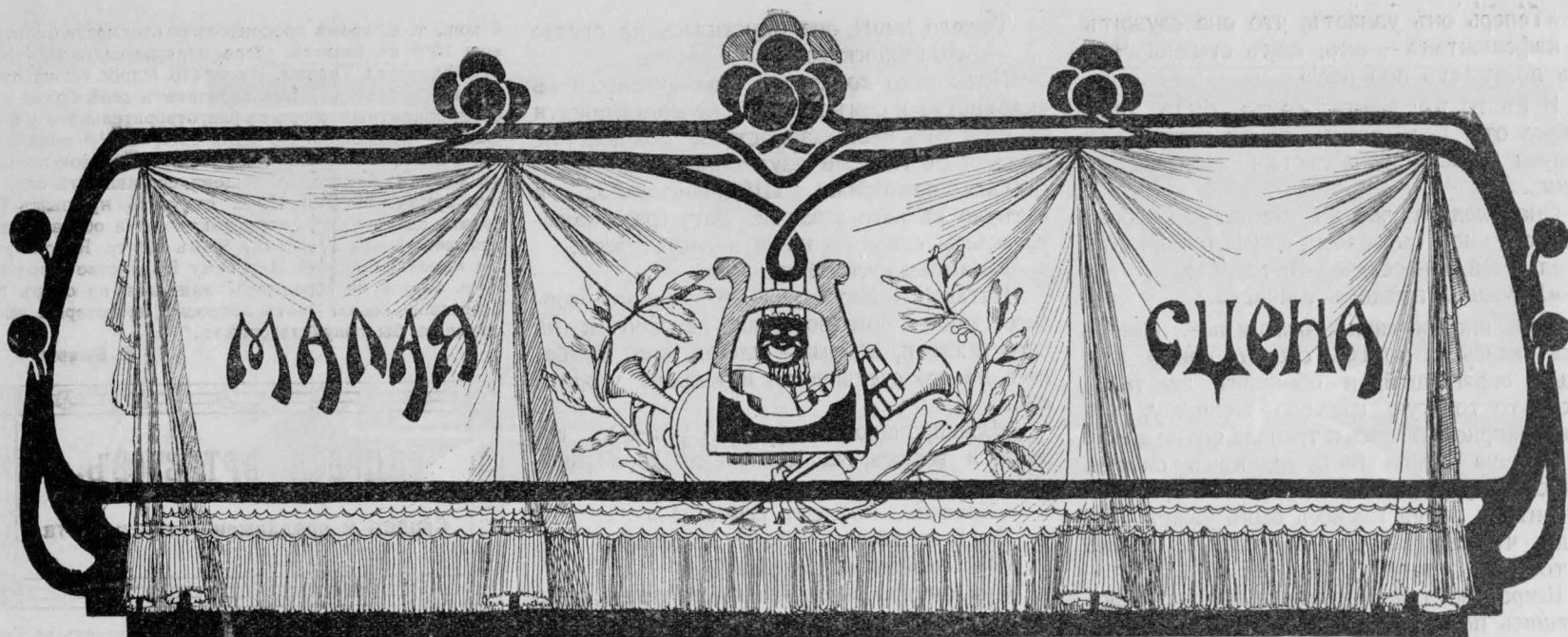
меолы, особенно во 2-мъ актѣ) и г. Щеголевъ, талантливо передавшій роль Латро. Кроме того, необходимо отмѣтить г-жу Слаvinу, у которой въ роли Труліи звучали хорошія нотки. Обнаружилъ успѣхъ и новичекъ на сценѣ г. Истоминъ, выступавшій въ пьесѣ въ трехъ роляхъ. Роль больного старика онъ передалъ безукоризненно. Въ концѣ 3 акта на сценѣ происходило чествованіе юбиляра. Были прочтены адреса отъ столичныхъ и провинціальныхъ труппъ, кружковъ любителей драматическаго искусства и разныхъ учреждений, обществъ и группъ. Кроме того, читалось множество телеграммъ и привѣтствій, полученныхъ изъ разныхъ городовъ Россіи отъ театральныхъ труппъ, кружковъ, группъ, учреждений, обществъ, редакцій журналовъ, газетъ и многихъ частныхъ лицъ. Не обошлось, конечно, безъ подношеній цѣнныхъ подарковъ и лавровыхъ вѣнковъ. Юбиларъ г. Алашеевскій благодарилъ всѣхъ почтившихъ его вниманіемъ. Публики было очень много. 19 февраля состоялся бенефисъ премьерши труппы Л. В. Елшиной. Шла: «Фимка». Роль Фимки, главной героини пьесы, съ большимъ подъемомъ исполнила бенефициантка. Типъ этотъ довольно поучителенъ какъ въ психологическомъ, такъ и социальномъ отношеніи. Спектакль во всѣхъ отношеніяхъ прошелъ съ выдающимся успѣхомъ. Г-жа Елшина получила отъ публики нѣсколько цѣнныхъ подарковъ. На дняхъ состоялся бенефисъ г. Щеголева. Публика, тепло относясь въ продолженіи всего сезона къ безупречной игрѣ артиста Щеголева, въ знакъ своей признательности къ артисту поднесла ему адресъ, покрытый многочислен. подписями и нѣсколько подарковъ. Отъ многихъ лицъ были получены телеграфн. привѣтствія. Ближайшіе бенефисы: г-жи Булатовой, Спекторъ-Аркадьева, г-жи Трефиловой II и г-жи Раевской. Въ циркѣ Изюко программа пополнилась нѣсколькими новыми, выписанными изъ-за границы номерами. Заслуживаютъ быть отмѣченными: автоматъ или человекъ-тайна Ауто-Фозо, г. Надьеровъ (знаменитый мануфлейтистъ, иммитаторъ всевоз. голосовъ), хорошіе велосипедисты и жонглеры.

И. Ц—ель.

— Въ минувшую субботу прощался съ Москвою артистъ театра Корша Н. М. Радинъ; ставшій за шестилѣтній періодъ своей службы любимцемъ публики. Въ годы, когда у Корша давались бенефисы, которые служили вѣрнымъ показателемъ симпатій публики къ артисту, бенефисъ г. Радина неизмѣнно собиралъ переполненный зрительный залъ. Въ отчетномъ спектаклѣ артисту были поданы на сцену цвѣты и цѣнный подарокъ. Въ будущемъ сезонѣ г. Радинъ служить въ Одессѣ. Пожелаемъ симпатичному артисту такого же успѣха и тамъ, какой онъ имѣлъ въ Москвѣ.

— Въ **Витебскѣ** на-дняхъ была поставлена трагедія Федора Сологуба «Побѣда смерти» съ прологомъ, который не ставился въ Петербургѣ. Поэта игралъ Мейерхольдъ, Дульцинею—г-жа Волохова. На спектаклѣ присутствовалъ авторъ.

КАФЕШАНТАННЫЕ СИЛУЭТЫ.

НАТАША ВЛЮБИЛАСЬ.

Бдкая атмосфера кафешантана оказала на Наташу мало вліянія. Она осталась такою же честною дѣвочкой, немножко неразвитою, какою была и до поступленія въ кафешантанъ. Врожденная боязнь мужчинъ, которыхъ ей въ дѣтствѣ приходилось видѣть только черезъ узкую, дверную шелку на кухнѣ, гдѣ она выросла, во многомъ помогла ей сохраниться. «Тотъ случай», когда она впервые была насильно взята мужчиною, ярко стоялъ въ памяти и она инстинктивно боялась мужчинъ, видя въ нихъ лишь дурныя стороны и желаніе «нахальничать», какъ она сама говорила.

Съ другой стороны, руководительница ея первыхъ шаговъ въ кафешантанѣ учила ее быть съ мужчинами наглою и всегда помнить, что мужчинъ нужно всѣми способами «выставлять»...

Подруги тоже нерѣдко говорили:

«И глупая-же ты, Наташа! Тебѣ счастье само въ руки лѣзетъ, а ты не хочешь... Подумаешь, какая важность! Ну, поѣхала-бы разъ»...

А Наташа отвертывалась отъ нихъ, и отходила въ сторону, не желая пользоваться своимъ «счастьемъ».

Молоденькій купчикъ—«мальчишка» (на кафешантанномъ языкѣ) сильно ухаживалъ за Наташей, бросалъ бѣшенныя деньги въ кафешантанъ, безумствовалъ, чтобы добиться хоть одной ея улыбки...

Безусый, съ рѣдкимъ свѣтлымъ пушкомъ на губахъ и подбородкѣ, онъ дарилъ подругамъ Наташи брошки и кольца, чтобы тѣ уговорили Наташу—«жить съ нимъ»...

Много и долго уговаривали ее, но слова ихъ пропадали даромъ.

«Каменная какая-то!»—говорили про нее подруги, и пытались увлечь собою «мальчишку», но и онъ и Наташа Соколова оставались непреклонными. Случалось, и не одинъ разъ, что сидя въ «кабинетѣ», купчикъ плакалъ тяжелыми, пьяными слезами и жаловался на свою «судьбу-злодѣйку». Тогда

подруги искренно сочувствовали ему. Искренность вызываетъ искренность... Неподдѣльное горе и слезы находили отзвукъ въ этихъ сердцахъ, гдѣ подъ корой и наносной грязью жизни, почти всегда теплится горячій уголекъ любви ко всему честному и хорошему.

Тѣмъ болѣе, искренняя любовь... Хористки, эти жрицы фальшивой любви, почти всегда любятъ когонибудь самой искренней, самой нѣжной любовью. И видъ этой неподдѣльной любви купчика къ Наташѣ вызывалъ въ нихъ горячее участіе. Купчика искренно жалѣли; нѣкоторые, преимущественно, «акулы», бранили Наташу, зачѣмъ она его не «выставитъ» хорошенько, часть хористокъ негодовала на нее, за «безчувственность», но находились и такіе, которые говорили, что «если сердце не лежитъ, къ нему, такъ ничего не подѣлаешь»...

Меньше всего думала о купчикѣ и его любви, сама Наташа.

Съ нѣкоторыхъ поръ она начала сильно задумываться и передъ ея глазами съ удивительной яркостью выплывалъ образъ того студента, котораго она часто, почти ежедневно встрѣчала по вечерамъ, когда шла «на службу»,—какъ она называла кафешантанъ. Студентъ ласково смотрѣлъ на нее своими темными глазами, а на губахъ лежала мягкая, симпатичная улыбка...

Наташа Соколова съ удовольствіемъ заговорила-бы съ нимъ, но при встрѣчахъ онъ молчалъ, а заговорить съ нимъ первой она не рѣшалась.

«Еще Богъ знаетъ, что подумаетъ»...

Встрѣчи на улицѣ уже перестали быть для нея неожиданностью, а вечера, когда онъ не приходилъ, были для нея мучительны. Она терялась въ догадкахъ, бродила, какъ тѣнь, по кафешантану изъ угла въ уголъ, и не находила себѣ мѣста. Сердце мучительно ныло, тоска и желаніе вырваться изъ этихъ душныхъ комнатъ, переполненныхъ пьяными мужчинами и женщинами, было настолько велико, что она съ середины вечера забиралась въ уборную, гдѣ пѣвицы одѣва-

лись и накладывали себѣ на лицо пудру и карминъ и причесывались передъ выходомъ въ залъ. Свою тоску она болѣе всего любила изливать передъ уборщицей Машей. Эта безыскусственная женщина, не порвавшая еще съ деревней, лучше всѣхъ понимала и умѣла выслушивать Наташу, когда та изливала передъ нею свою тоску и любовь. Съ нѣкотораго времени Наташа уже прямо заговорила о своей любви. Она не знала ни «его» имени, ни фамилии, и называла его или «студентъ», или «онъ» — и Маша-уборщица понимала, что рѣчь идетъ о томъ, кто почти ежедневно встрѣчалъ ее, когда она шла въ кафешантанъ. Въ вечера тоски Наташа почти не выходила изъ уборной, и чуть-ли не силою удавалось уговорить ее выйти въ залъ, когда «хозяйка» посылала ее то требовать хоръ въ кабинетъ, то пѣть, когда ихъ хоръ требовали въ кабинеты другія хористки.

II.

Какъ обезумѣвшая бѣжала Наташа черезъ залъ къ уборщицѣ-Машѣ. Щеки горѣли, глаза блестѣли огоньками, она сразу какъ то вся растрепалась, а сердце готово было выпрыгнуть отъ радости...

«Онъ... онъ здѣсь!»

Она проходила по залу и случайно глазами наткнулась на него. Еще съ нѣсколькими товарищами онъ сидѣлъ въ залѣ за столикомъ и что-то говорилъ, указывая товарищу глазами на Наташу...

«Боже мой, онъ здѣсь! Такъ близко отъ нея...»

Маша съ трудомъ черезъ часъ уговорила ее выйти въ залъ. Затаивъ дыханіе, чуть не на ципочкахъ, сдерживая сильно бьющееся сердце, рѣшилась она пройти по залу. Трепетная, избѣгающая взгляда въ ту сторону, гдѣ онъ часъ тому назадъ сидѣлъ съ товарищами за столикомъ, она шла по залу и ей казалось, что всѣ смотрятъ на нее и указываютъ пальцами въ ея сторону. Она не знала, куда ей дѣваться, такъ она боялась встрѣтиться «съ нимъ»... Ей было и пріятно и непріятно въ одно и то-же время.

«Теперь онъ узнаетъ, что она служить въ кафешантанѣ — ахъ, какъ стыдно! Что онъ подумаетъ про нее!»

И въ то же время, «онъ» былъ такъ близко отъ нея, здѣсь, почти рядомъ — и горячая краска удовольствія заливала ея щеки...

Она входила уже въ комнату, которая была смежной съ заломъ и буфетомъ, когда до ея ушей донесся чей-то голосъ:

«Хочешь... поѣдемъ сейчасъ»...

Она инстинктивно оглянулась. Слегка покачиваясь на ногахъ, стоялъ «онъ» уже сильно опьянѣвшій, и обнималъ за талию какую-то толстую, грязную женщину, которая жирно смѣялась и трепала его по щекамъ.

Наташа стояла блѣдная, какъ смерть. Закусивъ губу, она неподвижно смотрѣла на студента и въ ея глазахъ былъ ужасъ... Въ груди что-то разомъ оборвалось, стало пусто...

Широкими глазами она смотрѣла, какъ взявшись подъ руки, они торопливо спускались съ лѣстницы, онъ, сильно покачиваясь, и та, такая грязная, противная, поддерживающая его за руку и нагло смѣющаяся...

Наташа инстинктивно сдѣлала впередъ два шага, покачнувшись, но не упала, удержавшись рукою за стѣнку. Сердце умерло — не билось. Въ ушахъ стоялъ звонъ, полъ уходилъ подъ ногами кругомъ — туманъ и люди казались тѣнями...

«Онъ поѣхалъ съ ней!.. Онъ сказалъ ей: «Хочешь поѣдемъ сейчасъ!»... Она подошла къ двери «кабинета», и не стучась, толкнула ее ногою... Она знала, что каждый вечеръ этотъ «кабинетъ» занимаетъ ея купчикъ, и не ошиблась.

Тяжело дыша, она опустилась на стулъ: — «Шампанскаго!»...

Нѣсколько хористокъ находившихся въ «кабинетѣ» и самъ купчикъ не могли придти въ себя отъ неожиданности и молчали не спуская съ Наташи изумленныхъ глазъ.

Она повторила: «Шампанскаго!»... и метнула въ него глазами. Тотъ сразу какъ-то ослѣлъ, сдѣлался ниже и засуетился...

«Шампанскаго! Жива-а-а!»

Наташѣ стало жаль его, такого добраго, такого боготворящаго ее. Смотря на него глазами, полными слезъ, она улыбалась на его суетливость и желаніе угодить ей...

«Все пропало...» мелькало у нея въ головѣ, и вслухъ, не стѣняясь хористокъ, сказала:

«Хочешь... поѣдемъ сейчасъ!»

Тотъ не вѣрилъ такому счастью...

«Ты смѣешься, Наташа?»

Она быстро выпрямилась, взяла его подъ руку: «Ѣдемъ!»

И они вышли.

Евгеній Койранскій.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый Государь,

г. Редакторъ!

Не откажите помѣстить въ вашемъ уважаемомъ журналѣ слѣдующее.

«Центральная касса для продажи театральнахъ билетовъ», продѣлываетъ такія вещи: съ каждого продаваемого билета Центр. Касса получаетъ 10% въ свою пользу за комиссію. Вполнѣ естественно, что эти проценты должны поступать со стоимости билета, но иначе разсуждаютъ заправила Кассы. Поясню на примѣрѣ: съ каждого билета, наприм., въ 75 коп. (70 к. стоимость билета, 5 к. благотвор. сбора) Центральная Касса беретъ въ свою пользу

8 коп., т. е. кромѣ процентовъ со стоимости билета, еще 10% съ благотв. сбора, поступающаго въ пользу Вѣдомства Учрежд. Императр. Маріи. На какомъ основаніи Центр. Касса позволяетъ себѣ брать десятипроцентный сборъ съ благотворительнаго учрежденія — непонятно. Но мало того, тѣ 1/2 копѣйки, которыя Центр. Касса удерживаетъ въ свою пользу съ каждого билета, въ общемъ составляютъ солидную сумму. Почему Ц. К. считаетъ нужнымъ не давать сдачи 1/2 коп., когда такая сдача обязательна для мелочныхъ лавочекъ? Чѣмъ Центр. Касса лучше мелочной лавки? И почему Вѣдомство Учрежд. Имп. Маріи не обращаетъ вниманія на сборъ съ благотвор. сбора? — вотъ вопросы, на которые мнѣ хотѣлось бы получить отвѣтъ.

В. Быковъ.

— Молодой любовникъ и простакъ, игралъ въ Германіи, (имѣетъ гардеробъ), ищетъ запятій на великій постъ по амплуа. Требования очень скромныя. Есть рекомендація. По соглашенію дебютъ. Адресъ: Садовая 27, Н. М. Луцку для Л.

— Драмат. актриса (быв. Литер.-Худож.). Свободна на постъ и лѣто. Сергіевская, 81, кв. 10, Висковатова.

Смирновъ, Александръ Оеодоровъ, куплетистъ. Театръ „Варьете“ Тумпакова. Спб., Пет. Ст. Петрозаводская ул. д. 3, кв. 47. Запятъ до 23 апр. Ищетъ ангажемента.

Козловскій, Оома Никол., Русско-боярскій хоръ. Спб., Пет. Ст. Съѣжннская ул., д. 34, кв. 14. Театръ „Варьете“ Тумпакова. Занятъ до 23 апр. Свободенъ для ангажемента.

Редакторъ-Издатель В. Г. БЛОХИНЪ.

О В ъ Я В Л Е Н І Я .

Вниманію Гг. артистовъ и антрепренеровъ.

Центральное Правленіе Всероссійскаго Союза сценическихъ дѣятелей доводитъ до свѣдѣнія, что имъ расширяется справочный отдѣлъ и организуется посредничество между спросомъ и предложеніемъ всѣхъ отраслей сценическаго труда. Желаніе благоволятъ присылать свои адреса съ условіями предложенія.

На отвѣтъ предлагается марка.

● ● ПУБЛИКАЦІИ ВСЯКАГО РОДА и ВИДА ● ●

(плакаты, афиши, вывѣски, рекламы и т. п. объявленія)

НА ЗАБОРЪ

вокругъ строящагося памятника

На Знаменской площади,

а также по всему Петербургу,

НА ЗАБОРАХЪ перестраиваемыхъ мостовъ: Полицейскаго, Поцѣлуева, Пантелеймоновскаго, Аларчина, Сампсоніевскаго, Ваннаго (на Офицерской ул.), Мало-Калинкина, Старо-Калинкина, Ново-Московскаго и друг., а также на ГАЗЕТНЫХЪ КІОСКАХЪ и АФИШНЫХЪ КОЛОННАХЪ принимаются исключительно въ главной конторѣ

В. А. ПТАШНИКОВА.

Почтамская 10, телефонъ № 16-92. Тамъ же принимаются всякія объявленія на всѣ станціи Приморско-Сестрорѣцкой ж. д. въ вагонахъ ея и въ курортѣ.

Театральный Календарь-Ежедневникъ.

Справочная и записная книжка сценическихъ дѣятелей и театраловъ съ приложеніемъ „ЕЖЕДНЕВНИКА“ (Годъ изд. ВТОРОЙ).

Составилъ артистъ А. С. КОШЕВЪРОВЪ.

(Годъ изд. ВТОРОЙ)

ЦѢНА въ коленкоровомъ переплетѣ съ резиной и карандашемъ 1 рубль

Москва Б. Молчановка, Криво-Никольскій пер. д. Обяжниковыхъ, кв. 4. А. Кошевѣрову.

Бѣлостокскій лѣтній театръ „РОСКОШЬ“

сдается въ теченіе лѣтняго сезона съ полной обстановкой сцены. Сборъ доходитъ до 1000 рублей.

Зданіе театра находится въ прекрасномъ паркѣ, гдѣ имѣется большая открытая сцена для разнохарактерныхъ труппъ, а также перво-классный ресторанъ. Сообщеніе на трамваѣ.

Съ предложеніями и за справками обращаться въ гор. Бѣлостокъ, Ченстоховская ул. г. М. Гурвичу.